

Международная Объединенная Академия Наук

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии,
истории, политологии**

Сборник научных трудов

**по материалам
XII международной научной конференции**

10 января 2018 г.

LJOURNAL.RU

Санкт-Петербург 2018

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов, по материалам XII международной научно-практической конференции 10 января 2018 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2018. - 44с.

SPLN 001-000001-0236-FF
DOI 10.18411/spc-10-01-2018
IDSP 000001:spc-10-01-2018

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XII международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublic.ru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0236-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ	4
Гаранина О.Д., Неведомская Т.Д. Нравственная безопасность: опыт дефиниции	4
Петрунин А.М. Образ мудреца и время.....	7
Черниговских И.В. К проблеме взаимодействия социальных подсистем: детерминирование и доминирование	12
РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ	17
Иванова О.А., Серикова В.П. Социологический подход к конфликту традиционного и электронного обучения в системе высшего образования	17
Лучшев Б.С. Религиозность и потребление психоактивных веществ	21
РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ	23
Васильева И.А. К вопросу о типологии конфликтов на государственной службе	23
Кулинченко А.В. Марксизм-ленинизм об управлении обществом: идеалы и их революционное воплощение в России	24
РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ	32
Бакланова И.С. К вопросу о воинской дисциплине в Красной армии в период Гражданской войны (по литературе русского зарубежья).....	32
Бодрова Е.В. Концептуальные подходы к реформированию высшей технической школы РФ в «переходный период»	33
Гурин В.В. Сюжетный уличный краеведческий квест: опыт разработки и проведения в г. Томске.....	36
Доржиева В.В. Административно-правовое положение территорий Российского Северо-Востока (XVII в. - начало XVIII в.).....	39

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФИЯ

Гаранина О.Д., Неведомская Т.Д.

Нравственная безопасность: опыт дефиниции

*Московский государственный технический университет гражданской авиации
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-01

ids: 000001:spc-10-01-2018-01

Аннотация

В статье рассматривается категория «нравственная безопасность», отражающая совокупность условий, обеспечивающих защиту личности от факторов, угрожающих её духовно-нравственному существованию и развитию в определенной социальной системе. Раскрыта взаимосвязь социального и индивидуального аспектов в содержании нравственной безопасности. Обоснован вывод о том, что нравственная безопасность характеризует состояние духовной гармонии во взаимодействии общества и личности, определяет уверенность человека в стабильности его жизни, в социальной значимости поведения.

Ключевые слова: свобода; безопасность; нравственная безопасность; риски информационного общества; взаимосвязь социального и индивидуального.

Кантовская традиция исследования практического разума предполагает обнаружение в нравственном мире человека свободной воли, интенцированной на творение добра. Свободная воля в данном случае выступает гарантом и пределом нравственного сознания и поведения. Однако повеление нравственного императива и реальная направленность человеческих поступков, как показывает развитие общества, имеют тенденцию к несовпадению. Нередко человек превращает свою волю во вседозволенность, причины которой имеют, в основном, социальные корни. Социальные корни вседозволенности в информационном обществе во многом обусловлены информационной свободой, понимаемой как свобода получения любой информации по любым информационным каналам. Не всегда использование этой информации ориентировано на благие цели. На новом витке цивилизационного развития по-прежнему, как и в кантовские времена, актуализирован философский вопрос о содержании свободы воли человека и об условиях ее позитивной направленности. Обращение к проблеме свободы личности вызвано необходимостью осмысления социальных изменений, обусловленных переходом от одного типа социальной организации (материалистической, чувственной, по определению П. А. Сорокина), от «общества потребления» к другому социальному устройству, «обществу знания» (ориентированному, если следовать этическому рационализму Сократа, на духовность, нравственность). Этот сдвиг, переход объективно сопровождается деконструкцией социальных структур, возрастанием неопределенности и непредсказуемости будущего человечества. Современный социум вступил в пространство так называемых «мегарисков», поэтому ряд исследователей определяют глобальное общество как «общество риска» [1]. Осмысливая указанную ситуацию, современное гуманитарно-социальное знание привлекает внимание исследователей к разработке категории «безопасность», в контексте которой возможно более глубокое понимание рискогенных факторов социального развития. Сегодня научная общественность и практикующие политики активно обсуждают вопросы политической, социальной, экономической, военной, информационной, концептуальной,

психологической, культурной безопасности [3, с.37-38]. Однако в настоящее время вариации безопасности дополняются, поскольку в результате активного внедрения информационных технологий, возможно появление тенденций, свидетельствующих о духовно-нравственной деградации личности (не случайно проблема духовного здоровья человека приобретает статус глобальности). Эта ситуация свидетельствует о необходимости обсуждения еще одного вида безопасности, связанной с созданием условий нравственной защищенности человека. Нравственная безопасность тесно связана с проблемой управления свободой получения информации, следовательно, со свободой выбора нравственных ориентиров, социально значимых образцов поведения. Связь нравственной безопасности российского социума с некритическим восприятием западных стандартов и стереотипов мышления и поведения, пропагандируемых информационными каналами, отмечена отечественными философами. Сегодня, когда Россия включается в мировое информационное пространство, становятся очевидными угрозы, разрушающие традиционные нравственные ценности и требующие прояснения смысла нравственной безопасности и путей её обеспечения.

Определим философский смысл категории «нравственная безопасность», до настоящего времени не в полной мере, представленной в современной социогуманитарной мысли. Проблематика нравственной безопасности разрабатывается в русле общей теории безопасности, о необходимости создания которой было заявлено в отечественной и зарубежной литературе [2]. Однако можно констатировать, что дефинирование этого концепта пока не закончено. Содержание понятия «безопасность» трактуется и как свойство объекта, и как состояние объекта, и как совокупность условий, обеспечивающих защиту объекта, и как совокупность мероприятий, способных предотвратить угрозы существованию и развитию объекта. Очевидно, что такое разнообразие интерпретации рассматриваемой категории обусловлено попытками раскрыть ее сущность, обнаружить универсальные компоненты, позволяющие объяснить перспективы безопасного существования объектов в самых разных сферах – от социальной до геологической [4, с.72]. Говоря о безопасности, необходимо, прежде всего, иметь ввиду всеобщность, философский смысл этой категории, поскольку она применяется для объяснения глубинных характеристик самых разных систем. Философский смысл содержания понятия «безопасность» раскрывается в онтологическом, методологическом, аксиологическом и антропологическом аспектах. С онтологической точки зрения безопасность рассматривается как необходимая основа существования объекта (отсутствие угроз). В аксиологическом аспекте безопасность рассматривается как ценность, целевой функцией которой является сохранение бытия, существования объекта. Методологический аспект этой категории определяется ее регулятивно-обобщающей ролью в исследовании специальных видов безопасности (нравственной, биологической, экологической, медицинской, юридической, военной и т.д.). Наконец, антропологический аспект безопасности выражает ее синкретическую связь с человеком, вне которого сама постановка проблемы безопасности утрачивает смысл [3, с.42].

Философский анализ нравственной безопасности опирается, во-первых, на указанные аспекты общего понятия безопасности; во-вторых, учитывает противоречивое единство социальных и индивидуальных компонентов в поведении человека. Нравственная безопасность в своем изначальном наиболее общем смысловом значении характеризует положение человека в социальной системе, связанное с отсутствием угроз его физическому и социальному бытию. Исходя из сказанного, смысл содержания понятия «нравственная безопасность» раскрывается с двух сторон. С одной стороны, социальное содержание нравственной безопасности определяется воздействием социальных факторов (подчеркнем значение влияния информационных

факторов) на жизнедеятельность человека и, особенно, на его сознание (здесь, конечно, речь идет о формировании социально позитивных ценностных ориентаций и социально одобряемых паттернов поведения). С другой стороны, необходимо учитывать активное влияние каждого человека на нравственное состояние общества. Таким образом, в нравственной безопасности смыкаются социальная и индивидуальная стороны: выступая как объект социализации, человек существует в определенных социальных условиях, оказывающих деструктивное влияние на его психику и вызывающих девиантные формы поведения. Однако, реализуя указанные формы поведения, личность, будучи субъектом действия, разрушает социальные структуры, выступает как агрессивная деструктивная сила социальных изменений. Указанное соотношение социального и индивидуального в содержании нравственной безопасности, по нашему мнению, и составляет смысл этого понятия, характеризующего противоречие социального и индивидуального в нравственном поведении человека, в его взаимодействии с обществом. Нравственная безопасность отражает состояние духовной гармонии во взаимодействии общества и личности, характеризует уверенность человека в стабильности его жизни, в правильности поступков.

Вместе с тем, в изменяющемся информационном мире уверенность и стабильность в характеристике жизнедеятельности человека все чаще становятся избыточными понятиями. Поэтому смысл понятия «нравственная безопасность» проясняется при характеристике диалектически противостоящего ему понятия «нравственная опасность», содержание которого составляют признаки, характеризующие ситуацию нестабильности, деструкции разных компонентов жизни человека. Смысловая связь опасности и безопасности, их тождество и различие метафорически может быть представлено в образе молекулы ДНК, состоящей из двух цепочек, спирально закрученных одна относительно другой таким образом, что они представляют зеркальное отображение друг друга. Там, где возникает опасность разрушения одного из элементов этой цепи, активизируется формирование структур, замещающих этот элемент в случае его утраты, в результате чего сохраняется стабильность системы, ее устойчивое функционирование [3, с. 40]. Учитывая сказанное, определим нравственную опасность как такую ситуацию в социальной среде, в которой при определенных условиях возможно возникновение факторов, способных привести к негативным последствиям для человека и общества (отсутствие традиций, возникновение деструктивных нравственных ориентиров, развитие пессимизма, утрата смысла жизни и т.п.). Иными словами, нравственная опасность может рассматриваться как реализованная или возможная (вероятная) нравственная угроза человеку или обществу в результате социальных или индивидуальных действий, вызывающих нарушение стабильного нравственного функционирования и развития общества или человека. Таким образом, исследование условий и предпосылок нравственной безопасности предполагает анализ нравственной опасности, так как, зная факторы, способствующие дестабилизации системы «общество-личность», можно предотвратить их негативное воздействие, не допустив возникновения состояния деградации одного из компонентов, взаимодополняющих друг друга.

1. Наумова Т.В. Риски глобального общества: движение к новой методологической парадигме // Научный вестник МГТУ ГА. – 2014. - № 203 (5). С. 67-71.
2. Поликарпов В. С. Философия безопасности. СПб - Ростов н/Д.- Таганрог, 2001.
3. Гаранина О.Д., Усик И.В. Онтологические смыслы категории «безопасность» в философской ретроспективе // Научный вестник МГТУГА. 2008. - № 129. - С. 37-42.
4. Гаранина О. Д., Наумова Т.В. Экологическая безопасность: некоторые аспекты концептуализации понятия // Научный вестник МГТУГА. 2014. № 209 (11). С.72-76.

Петрунин А.М.
Образ мудреца и время

Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Россия, Смоленск)

doi:10.18411/spc-10-01-2018-02

idsp: 000001:spc-10-01-2018-02

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы связи образа мудреца и времени. Методы проведения исследования: а) рациональные: анализ, синтез, индукция, дедукция, традукция; б) эмпирический метод – наблюдения. Автор, считает, что исходными положениями возможной науки о мудреце могли бы быть знания, раскрывающие его с временем. Могут быть три типа мудреца: ретроспективы (восточный), настоящего времени (эпикурейский) и перспективы (западный). Статья заканчивается выводом о том, что мудрец выше человека.

Ключевые слова: время; философия; человек; мудрец; тип образа мудреца.

Annotation

The article is devoted to research of the problem of learning about a ties of a wise man and time. The methods of investigation are theoretical: analysis, synthesis, induction, deduction, traduction; empirical approach – observation. The author thinks that initial positions of possible science about a wise man could be knowledge showing his a ties with time. Cane be three types of a wise man: a retrospective man (east type), a present day man (epicures type), perspective man (west type). The conclusion of the article is that a wise man is higher than a man.

Keywords: time; philosophy; man; wise man; type of a wise man.

Мудрец – необычный человек. Его особенность проявляется в том, что он выше человека, противоречивость которого отражает существующий закон единства и борьбы противоположностей. Человек, являясь единым целым, соединяет в себе крайности. Философы считают, что человек очень противоречив. Н.А. Бердяев подчеркнул: «Он (человек) двойственное и противоречивое существо, существо в высшей степени поляризованное, богоподобное и звероподобное, высокое и низкое, свободное и рабское, способное к подъёму и падению, к великой любви и жертве и к великой жестокости и беспредельному эгоизму» [2, с. 19]. Эти противоречивые свойства человека философ усвершенствовал и пытался приписать их к свойствам души русского человека. Не надо думать, что на Западе человек другой. Там раздвоение человека выражено ещё больше и открыто. Например, двойные стандарты явно ходят не только по широкой политической дороге, но и по другим дорогам жизни. Если обратиться к истории, то, будет понятно, какое, может быть, соотношение Западной цивилизации и сжигание людей заживо, толи в эпоху Возрождения, толи в середине XX в., толи бомбардировка Белграда в наше время. Западный человек настолько противоречив, что, порой кажется, что он не человек. Посмотрите, что делает украинский человек, стремящийся быть западным или войти в образ западного, наиболее противоречивого, человека.

Одно дело, когда речь идёт о понимании человека, типология которого ещё полностью не исследована. Совсем по-другому следует подходить к познанию образа мудреца, исключаящую подобную двойственность, но не исключаящую проблему его связи со временем. Проблема связи образа мудреца и времени – актуальна. Её

исследование имеет значение и поможет лучше понять сущность человека и его предназначение.

Актуальность темы обусловлена слабой разработкой научно-философских основ исследования связи образа мудреца и времени.

Мудрость – особое качество человека, которое, исключая крайности, все ошибочные варианты решения проблем, утверждает одно единственное, самое верное. Вот оно и есть мудрое, а автор, предложивший такое решение проблемы, – мудрец. Если проблемы могут быть большими и важными, а могут быть малыми и не очень важными, то и, соответственно, такими по значимости могут быть и мудрецы. Этот подход может дать формальную типологию, не имеющую перспективы. Она не затрагивает существенные основы типологии образа мудреца.

Философ – тот, кто выходит за пределы мудрости (перезревший философ) или тот, кто до мудрости не дошел (не созревший философ). Философ – не мудрец. Он – рационально мыслящий человек, ведёт поиск мудрости и истины. Исследование различных проблем направлено на поиск истины, если исследователь не дошёл или перешёл её, то он является философом. Мудрец же связан с истиной и мудростью.

Всестороннее изучение связи образа мудреца и времени в истории философии позволило нам обратить внимание на такие временные факторы: прошлое, настоящее и будущее. Они помогут нам раскрыть сущность временной зависимости образа мудреца и понять причины разделения его на различные типы.

Итак, время в жизни мудреца имеет большое значение и может обусловить разделение его образов на разные типы.

Ещё Фалес говорил о том, что время мудрее всего, ибо со временем тайное становится явным. Время учит мудрости. Оно движется из прошлого, через настоящее в будущее и, проходя через мудреца, по-своему определяет образ его мудрости. Эту особенность философы давно заметили и пытались придать ей определённую систему. Свои мысли о мудреце они связывали с временными показателями. Например, в истории философии можно найти мысли о мудрецах Древнего мира, о мудрецах Средних веков и др. Всех мудрецов можно было бы разделить по возрасту на молодых, среднего возраста и старцев.

Исходя из смыслового значения слова «мудрость» в истории, В.Н. Назаров считает, что в духовной культуре Древней Руси были следующие образы мудреца: духовный наставник, старец, философ, мыслитель, провидец, святой, хитрец, плут и др. На основе анализа образ мудреца, состоящего из единства трёх сторон, – познавательной, коммуникативной и нравственной, он пытается создать образ современного мудреца. Но получилась историческая классификация типов мудреца по трём указанным направлениям [8]. Тем не менее, такой подход имеет своё значение.

Есть и другие мысли в истории философии, которые частично указывают на проявление мудрости того или иного мудреца в зависимости от времени.

Думается, что попытка философов раскрыть образ мудреца в истории культуры поможет лучше понять проблему его типологии на основе прошлого, настоящего и будущего времени.

Фактор времени в жизни мудреца, действительно, играет важную роль. Время – опора мудреца в его советах и делах. Оно помогает ему в жизни. От того, на какую форму времени опирается мудрец в своих суждениях и делах, можно определить его тип. Мудрец и время, несмотря на различия, учат и дают мудрые советы.

По нашему мнению, на основе знаний, отражающих зависимость качества мудреца от времени, можно выявить и раскрыть следующие три его типа. Первый тип мудреца – это мудрец ретроспективы (Восточный). Второй тип – мудрец перспективы (Западный). Третий тип – мудрец своего времени (эпикурейский). Кажется, что это внешнее, поверхностное разделение, но сущность лежит значительно глубже.

Разделение образа мудреца на три типа основано на принципиально разных временных возможностях, которые использует мудрец.

Первый тип – образ мудреца ретроспективы. Это такой тип мудреца, жизнь и деятельность которого основанная на знаниях прошлого. Он как бы повёрнут лицом к прошлому, а спиной к будущему потому, что будущее не привлекает его, так как оно движется по кругу и время возвращает его к своему истоку, т. е. к прошлому. Прошлое ценнее будущего, в нём всё было и всё есть, что будет в будущем – неизвестно. Для образа мудреца ретроспективы знание и любовь к истории предков являются основой принятия решения. Такая форма жизнедеятельности является характерной для образа жизни мудреца Востока.

Мудрец Востока в условиях традиционной цивилизации высоко ценит прошлое, советуется с ним, соблюдает традиции, ориентируется на свой жизненный опыт и предсказывает настоящее и будущее или даёт мудрый совет, совершает соответствующие поступки. Древность – неисчерпаемый источник мудрости. Любовью к древности, следование опыту жизни предков характеризуется, например, образ конфуцианского мудреца [11, с. 16]. В работе «Луньюй» Конфуций говорил: «Я продолжаю – не творю; я верю в древность и люблю её чистосердечно» [6, с. 46].

Ещё одно отличие мудреца Востока состоит в том, что он является большим знатоком не только истории, опыта прошлого, но и самого себя. Он стремится усовершенствовать свой внутренний мир, понимая, что внешний мир более совершенен. Мудрец Востока преобразует себя в соответствии с объективными условиями, которые могут реализовать его желание более совершенно. Конфуций учил: «Не печалься, что тебя никто не знает, а печалься о своём несовершенстве» [6, с. 94]. Быть мудрым – значит быть совершенным и уметь победить себя, а не окружающий мир и природу. В этом смысле совершается всё естественно и без видимой борьбы. Принцип: «Деяния без борьбы» находится в основе жизни и деятельности мудреца Востока.

Итак, опыт прошлой жизни всегда поучителен. Восточный тип образа мудреца по своему опыту и опыту жизни других людей как по великой исторической книге находит ответы на все вопросы современной жизни. Смысл жизни мудреца ретроспективы: «Прошлое – лучший пророк настоящего и будущего».

Второй тип – образ мудреца перспективы. Его особенность проявляется в том, что он отражает такие характерные действия, поступки, которые основываются на анализе знаний будущего. Такой тип образа мудреца больше всего подходит к мудрецу Запада. Прошлое его не интересует или «знание прошлого во все времена признавалось желательным только в интересах будущего и настоящего, а не для ослабления современности» [10, с. 35], – писал Ф.Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни». Но главное для образа мудреца Запада – будущее, так как оно служит условием настоящего. Прошлое время в условиях техногенной цивилизации является отсталым, несовершенным и возврата к нему нет. Будущее для мудреца Запада – это всё только лучшее. Анализ будущего лежит в основе его действий и решений. Мыслями о будущем больше всего живут люди, родившиеся и выросшие на Западе. Прошлое им только мешает. Новые условия жизни, которые создаёт техника, делает возврат к прошлому шагом назад, к худшему. Цель мудреца Запада – прекрасное будущее. Эта цель подчиняет себе всю деятельность мудреца второго типа. Для него важным является ещё один момент. Он заключается в том, что мудрец Запада видит все недостатки во внешнем мире, в природе, в окружающих людях и условиях. Чтобы в будущем жизнь была лучше, их надо изменить, преобразовать, сделать рациональными. Для этого надо изменить природу, улучшить условия жизни. В прошлом преобразования природы были очень слабыми, человек был зависим от природы. В будущем человек будет господствовать над природой. Мудрость западного типа образа мудреца в том и проявляется, что он, исключая хищническое отношение к природе,

стремится действовать сообразно в ней. Основу смысла жизни мудреца Запада составляет следующее положение: «Прекрасное будущее – основа жизни настоящего».

Итак, образ жизни мудреца перспективы (Запада) отличается от образа жизни мудреца ретроспективы (Востока) как временными показателями, так и значением преобразований внешнего мира для своей жизнедеятельности.

Третий тип – образ мудреца настоящего времени. Он характеризуется тем, что отражает жизнь в настоящем времени и стремление вечно пребывать и наслаждаться им. Этот тип мудреца можно назвать эпикурейским, поскольку мысли о нём берут своё начало, в основном, от мудреца Древней Греции Эпикура.

Исследователь творчества Сенеки П.Грималь отмечал: «Эпикурейский мудрец, запертый в настоящем, покорный власти ощущений, которые ему диктуют органы чувств, так или иначе, оказывается в зависимости от Фортуны и не способен познать иных ценностей кроме наслаждения бытием» [3, с. 309].

Эпикуреец не любит прошлое, его раздражает будущее. Он живёт своим временем и, довольствуясь настоящим, видит в нём только лучшее. В работе «Бунтарь» А.Камю писал: «Настоящая щедрость по отношению к будущему заключается в том, чтобы всё отдавать настоящему» [4, с. 534]. Ориентация только на настоящее определяет такой тип мудреца, для которого прошлого и будущего нет, а существует только современная (модерная) жизнь. Поскольку об Эпикуре были разные мнения, отметим, что эпикурейский тип мудреца не отрицательный тип. П.Бейль (1642–1705) дал более точную оценку Эпикуру. Он писал: «Несомненно, он жил образцово, в согласии с правилами мудрости и философской умеренности, но о его нравах распространяли клевету, и был один перебежчик из его школы, рассказывавший о нём много дурного» [1, с. 105]. В основе смысла жизни эпикурейца находится изречение И.В. Гёте: «Остановись, мгновение, ты прекрасно».

Итак, эпикурейский тип мудреца безразличен к прошлому и будущему. Он как бы завис между ними, главное для него жить полной жизнью в настоящем.

Понятно, что исследованные типы образа мудреца разные и, кажется, что несовместимые. Но они едины и различаются разными формами деятельности, обусловленными временными особенностями. Любой тип мудреца – образец человеческого совершенства, идеал нравственности и целостности духа человека, но форма их деятельности тонко разграничивает и определяет свою специфику образа мудреца: ретроспективы, перспективы и настоящего (своего) времени.

Знание о связи образа мудреца и времени требует, чтобы объект познания рассматривался в единстве всех трёх частей времени: прошлого, настоящего и будущего. Но это только пожелание. Хотя философы также мечтали о единстве времён в человеке. И.Т. Фролов, например, подчеркнул: «Соединение времён в человеке и его гуманистической культуре – вот что составляет мудрость истории» [12, с. 553]. Важно уточнить, что это положение больше всего касается мудрости человека, а не истории. История тоже помогает человеку, но человек и народ являются подлинными творцами своей истории.

В качестве других критических замечаний отметим, что в отечественной и зарубежной литературе нашли отражение знания об иных типах мудреца, которые, безусловно, имеют ценность, однако, они отражают формальные подходы к их различию. Все их раскрыть невозможно, мы остановимся на наиболее значимых. Так, В.Н. Назаров, разделяя знания о мудреце на теоретические и практические, пытается представить философов как мудрецов теоретического плана, а шутов, плутов, юродивых – практического [7, с. 51–64]. Знание о связи образа мудреца и времени целостное, а такое разделение, которое предлагает В.Н. Назаров, говорит о неполноте знаний, а следовательно, и о несущественной типологии образа мудреца.

Американский учёный В.Нискер собрал и обобщил знания о безумной мудрости, которая заявляет о себе через образы особых персонажей, появляющихся в каждую

культурную эпоху, чтобы бросить вызов общепринятому мнению. «Клоун, шутник, ловкач и дурак, – пишет В.Нискер, – вот четыре архетипа безумной мудрости» [9, с. 35]. Знание о связи образа мудреца и времени и знания о безумной мудрости различны. Следовательно, и знание о связи образа мудреца и времени несовместимо со знаниями архетипов безумной мудрости.

Таким образом, обоснованное нами знание о зависимости типологии образа мудреца от времени, более полно раскрывает его сущность, как с точки зрения качеств, так и по типизации его образов. Но самое важное заключается в том, что мудрец, можно сказать, является выше, чем человек. Отсюда на вопрос И.Канта: «Каким должен быть человек, чтобы быть человеком?» [5, с. 206], следует ответ: «Чтобы быть настоящим человеком, надо быть мудрым».

Что у философов является ошибочным в отношении человека? Если для Р.Декарта интеллектуальным идеалом человечества является теоретический разум – ясное и отчётливое мышление, которое способно постичь всё существующее, то для И.Канта единственно возможный идеал – практический разум (чистое нравственное сознание) свободно подчиняющийся моральному закону. «Поэтому высшее назначение философии, – говорил И.Кант, – научить человека, каким надо быть, чтобы быть человеком» [5, с. 206].

Очевидно, что ни разум, ни знания, ни интеллект, ни философия не могут научить человека быть человеком. В этом суждении нет оценки роли воли, чувствам и др., а они становятся, порой, неподвластны разуму и имеют самостоятельное значение. Поэтому, кроме философии, важную роль играют труд (трудовое воспитание человека), искусство (художественное воспитание). Понятно, что и это неполный перечень возможных направлений формирования человека. Думается, что составить исчерпывающий список видов формирования человека невозможно.

Тем не менее, предложенная нами типизация образа мудреца на основе временных показателей имеет достаточно убедительное знание, помогающее понять необходимые направления обучения и воспитания человека таким, каким он должен быть.

В немудрое время слово философ вызывает у людей иронию, а слово мудрец – насмешку. Кто виноват? Банкиры, политики, учёные, техники, информационные технологии, специалисты, деятели искусства, спортсмены и т. п., которые достигли больших успехов в проявлении своей односторонности. Это непропорциональное и однобокое выражение человеческой сущности фактически превращает человека в надприродное существо, дальнейшая идеализация которого ведёт к нежелательным последствиям. Но успех втягивает, и человек, увлечённый успехом, уже становится известным.

Только вот смерть напоминает каждому, что современный человек должен быть таким, чтобы быть человека, т. е. мудрым. Что это даёт? Это помогает понять, что мудрец представляет собой совсем другое – целостное (вселенское, природное, народное, истинное, счастливое и свободное) выражение человеческой сущности. Это даёт возможность появления мудрого времени, а следовательно, и утверждение основ новых условий и иной, по-настоящему человеческой жизни.

Выводы. Во-первых, жизнь современного человека достигла пределов во многих сферах своей деятельности, и поставила в повестку дня гамлетовскую проблему: «быть или не быть»? Знания о связи образа мудреца и времени может снять этот вопрос и открыть пути, ведущие к истинному человеческому существованию.

Во-вторых, познание типологии образа мудреца на основе временных факторов – задача каждого человека, который, ориентируясь на существующие образы, будет совершенствоваться более гармонично, полнее раскрывая свою человеческую сущность.

В-третьих, чем больше будет мудрых людей в обществе, тем вероятнее появление мудрого времени, а следовательно, и утверждение новых условий, лежащих в основе и иной, по-настоящему человеческой жизни.

Таким образом, знания о типологии образа мудреца на основе временных показателей затрагивает всех и заставляет задуматься каждого человека.

1. Бейль П. Исторический и критический словарь: В 2 т. Пер. с фр. М., 1968. Т. 2.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыты персоналистической философии). Париж, 1939.
3. Грималь П. Сенека, или Совесть Империи. М., 2003.
4. Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь / Пер. с фр. Мн., 2000.
5. Кант И. Приложения к «Наблюдениям над чувством прекрасного и возвышенного» // Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1964.
6. Конфуций. Уроки мудрости: Соч. М., Харьков, 2003.
7. Назаров В.Н. Нравственная мудрость как творчество жизни // Филос. науки. 1991. № 11. С. 51–64.
8. Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры. Тула, 1993.
9. Нискер В. Безумная мудрость. СПб., 2000.
10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Мн., М., 2000.
11. Симененко И.И. Мудрость Конфуция // Милосердие в учении Конфуция. М., 1989.
12. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М., 1989.

Черниговских И.В.

К проблеме взаимодействия социальных подсистем: детерминирование и доминирование

*Воронежский государственный университет инженерных технологий
(Россия, Воронеж)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-03

idsp: 000001:spc-10-01-2018-03

Рассматривая общество как систему, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой выделения соответствующих структурных элементов. Одним из вариантов структурирования общества является выделение сфер его жизни. В данном случае понятием «сфера» фиксируется некоторая идентичность, некоторое единообразие структурных элементов общественного организма. Тем самым создаются новые возможности понимания и структуры общества, состоящего не просто из разнокачественных, неповторимо своеобразных компонентов, но из общих, единых, в каком-то смысле одинаковых. При этом следует подчеркнуть, что пока еще нет общепринятого научного, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни. Конечно, это не означает, что вообще нет общности в понимании сферы общественной жизни. Все исследователи под сферой общественной жизни понимают элемент общества, его часть, объективно существующую, как-то структурно оформленную, связанную с другими сферами, с обществом в целом.

Нам представляется, что использование в данном контексте понятия «сфера» не совсем удачно. Само слово «сфера», как известно, означает в геометрии «замкнутую поверхность, все точки которой одинаково удалены от центра». В данном смысле оно невольно наводит на мысль об обособленности этих частей общества, хотя они неразрывно связаны. Поэтому, наиболее подходящим для целей нашего исследования мы считаем понятие «подсистема».

Социальная система, как любая сложная живая система, призвана, прежде всего, обеспечить свое существование, т. е. обеспечить воспроизводства своего основного элемента – субъекта. Для достижения этого она должна решить следующие задачи:

1) организовать производство необходимых средств, которые призваны удовлетворять потребности составляющих ее субъектов. При этом эти средства должны удовлетворять как потребности в материальных предметах, так и в информационно-символических образованиях. Это в свою очередь предполагает наличие двух видов производства: материального и информационно-символического;

2) организовать распределение этих средств и тем самым обеспечить оптимальное функционирование и развитие системы;

3) обеспечить потребление произведенных средства и тем самым воспроизводство своих субъектов.

Таким образом, в качестве основных подсистем общества можно выделить: 1) материально-производственную; 2) информационно-символическую; 3) подсистему управления общественными процессами; 4) собственно социальную.

Каждая подсистема имеет свою функцию. Так, материально-производственная подсистема призвана создавать определенные материальные блага, необходимые для удовлетворения потребностей людей. С момента появления металлических денег она принимает финансово-экономический характер. Сходную функцию выполняет и информационно-символическая подсистема. Она обеспечивает получение и накопление информации, необходимые для удовлетворения потребностей людей, и закрепляет ее в символической форме. С момента появления классов и государства как аппарата власти эта подсистема принимает идеологический характер, т. е. начинает отражать социальную действительность с точки зрения интересов определённых групп или классов, стремящихся сохранить существующий порядок вещей.

Подсистема управления общественными процессами отвечает за организацию распределения того, что было создано в материально-производственной и информационно-символической подсистемах для достижение оптимального функционирования и развития общества. С момента появления классов и государства как аппарата власти она принимает характер политического управления обществом. Субъектом управления начинает выступать определенная группа лиц, которая вырабатывает общие для всего государства цели, с которыми, так или иначе, согласовываются все остальные более частные цели отдельных сфер и деятельности индивидов в обществе.

В социальной подсистеме происходит потребление того, что создается в материально-производственной и информационно-символической подсистемах. Это потребление вместе с тем является и воспроизводством человека как природного, социального и культурного существа.

Отношения между подсистемами выстраиваются на основе детерминирования и доминирования.

Начиная с XVIII в. в социальных науках господствующим становится положение, что основой общества, детерминирующей все остальные ее подсистемы, является материально-производственная. Но, одновременно с этим, детерминирующая роль этой подсистемы стала выдаваться за доминирующую.

С начала XX в., благодаря успехам в изучении традиционных культур, доминирующая роль материально-производственной подсистемы начинает подвергаться сомнению. Исследования Б. Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» (1922), М. Мосса «Очерк о даре» (1925) и др. показали, что в первобытных обществах трудно отделить экономику от других сфер. Экономические процессы опосредованы здесь отношениями родства, пола, возраста, разнообразными ритуалами, верованиями и проч. Однако, то же самое можно сказать и про политические процессы. В силу синкретичности первобытного общества экономические, политические, информационно-символические и социальные процессы

тесно связаны между собой. Но и в данной ситуации можно говорить об определенном доминировании социальных и информационно-символических процессов.

Дальнейшие исследования показали, что материально-производственная подсистема не является доминирующей и в послепервобытных государственных сельскохозяйственных образованиях. Доминирующую роль эта сфера начинает приобретать только в Западной Европе, в так называемый «новый» период ее истории, т. е. с формированием капитализма [4].

Результаты этих исследований были обобщены американским и канадским экономистом, антропологом, социологом и политическим философом венгерского происхождения К. Поланьи, который предложил для анализа этой ситуации две модели положения экономики по отношению к обществу: «внедренного» и «выделившегося (автономного)» [2, с. 121].

Таким образом, нельзя говорить о доминировании какой-то одной подсистемы на протяжении всей истории человечества. История человечества – это история борьбы за доминирование между разными подсистемами.

Само стремление к доминированию связано с тем, что каждая из подсистем имеет свои средства (инструментальные по отношению к системе как целому) для реализации своей системной функции. Так, например, для материально-производственной подсистемы (в ее финансово-экономическом варианте) таким средством является получение прибыли, для подсистемы управления общественными процессами (в ее политическом варианте) – власть. При этом подсистемы стремятся превратить эти средства в самостоятельные цели, первоначально в собственных рамках, а затем и всей социальной системы в целом. В результате, каждая подсистема стремится стать доминирующей и навязать свое средство, превращенное в цель, всей системе в целом. Однако это стремление наталкивается на противодействие других подсистем, преследующих ту же цель. Кроме того, на этот процесс оказывает влияние то обстоятельство, что «осознание» своего интереса каждой подсистемой происходит в разные исторические периоды. Раньше всех «осознают» свои интересы подсистемы управления общественными процессами и информационно-символическая. Это происходит в эпоху разложения первобытнообщинного строя и формирования первых государственных образований. Именно между этими подсистемами первоначально разворачивается борьба за доминирование (образно говоря между «жрецом» и «царем») [5, с. 8].

В XV-XVII вв. в Западной Европе проходят процессы, которые приводят к победе подсистемы управления общественными процессами в этом противостоянии и подчинении ей информационно-символической подсистемы. Одним из проявлений этого стало Аугсбургское соглашение 1555 г., согласно которому каждый правитель сам определял вероисповедание в своих владениях. Позднее это положение трансформировалось в принцип *cujus regio, eius religio* (лат. «чья страна, того и вера»).

Однако ослабление влияния информационно-символической подсистемы приводит к активизации материально-производственной: ослабление роли религии, которая определяла информационно-символическую подсистему в Средние века, привело к постепенному замещению духовных, «небесных» целей и ценностей материальными, земными. Можно привести известные афоризмы из Нового Завета, отражающие отношение к материальному богатству в христианской системе ценностей: «как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». (Лук.18:16-27); «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мат. 6: 19-21).

В реальной жизни это отношение к богатству проявилось в осуждении церковью ростовщичества в европейском средневековье. Согласно христианской картине мира время принадлежит Богу, а не человеку. Ростовщическая деятельность представляет собой посягательство на время, а значит является прегрешением против Творца. Логика рассуждения здесь такова. Любой другой грех нуждается в отдыхе и не совершается непрерывно. Убийца не покушается непрерывно на жизнь других людей; прелюбодей когда-нибудь да отдыхает; вор не крадет не покладая рук; никто не в состоянии постоянно впадать в грех клятвопреступления. Но грех ростовщика отличается постоянством. В будни и в праздники, равно в те часы, когда ростовщик бодрствует или когда он спит, его деньги, которые он отдал под проценты, продолжают непрерывно и неустанно трудиться на него и приносить ему прибыль. Его «волы», т. е. деньги, «пашут, не уставая». Следовательно, ростовщик торгует временем, которое ему не принадлежит. Иными словами, он покушается на Божьи дары – на день и ночь. А потому он должен быть лишен вечного дня, т. е. загробного спасения, и брошен во мрак вечной ночи, т. е. в ад. По мнению А. Я. Гуревича, осуждение ростовщичества вызывалось не одними доктринальными причинами, оно было обусловлено и общественным мнением. В результате этого конфликта, с одной стороны, с церковной доктриной, а, с другой стороны, с настроениями большинства населения, известны случаи, когда люди, накопившие богатства неправомерными средствами, на пороге смерти или в ее преддверии отказывались от своих несправедливо нажитых богатств, возвращали деньги ограбленным им лицам, жертвовали беднякам и сиротам, оставляли средства на заупокойные мессы и молитвы [1; 236].

В результате снятия религиозного запрета с получения процента, оправдание использование богатства (хотя бы и заработанного честным трудом) в личных, а не в общественных целях (не в целях служения) открывало дорогу для усиления роли и значения материально-производственной подсистемы (в ее финансово-экономическом варианте).

Кроме того, формирующиеся государства-нации были заинтересованы в развитии своей экономической мощи, что обеспечивало им, прежде всего, военное превосходство. В результате политические элиты сами создавали себе конкурента в лице формирующейся экономической элиты. Результат этого процесса ярко продемонстрировали буржуазные революции XVII-XVIII вв., в которых новые экономические элиты в лице буржуазии свергли старую политическую элиту в лице королей и придворных. Это был грандиозный успех в заявке на доминирование материально-производственной подсистемы. Таким образом, начиная с этого времени, разворачивается борьба за доминирование между материально-производственной подсистемой и подсистемой управления общественными процессами. Явным успехом материально-производственной подсистемы в этой борьбе является развал социалистической системы, т. к. СССР представлял собой общество с явным доминированием подсистемы управления общественными процессами. Сам этот развал стал следствием сознательно проводимого курса по освобождению экономики из-под социального и государственного контроля, превращение его в бесконтрольную силу, который французский социолог П. Бурдьё связывает с глобализацией. Немецкие экономисты Р. Хикель и Ф. Штрикштрок, как, впрочем, и многие другие, подчёркивают: пока существовал СССР, глобализация не просто тормозилась, а не могла реализоваться как таковая. Однако, по мнению А. И. Фурсова, сама глобализация создает фундамент для новой, посткапиталистической системы: «это одновременно гибель капитализма и передел с прицелом на посткапиталистическое будущее» [3].

Если исходить из того, что главной целью существования общества является воспроизводство своего основного элемента, т. е. субъекта, а воспроизводство человека как природного, социального и культурного существа – это функция собственно

социальной подсистемы, то логично предположить, что доминирующей должны быть именно эта подсистема. Однако данная организация взаимодействия является идеальной моделью, примеры воплощения которой в реальной истории почти исключительны.

1. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – Москва, Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. – 432 с.
2. Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Поланьи К. Избранные работы. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2010. – С. 117-152.
3. Фурсов А. И. Глобализация против планеты. Феномен БРИКС // Завтра [сайт]. – URL: http://zavtra.ru/blogs/fenomen_briks (дата обращения 08.12.2018 г.)
4. Черниговских И. В. Изменение места и роли экономики в процессе развития общества // Духовная жизнь общества и человека : история и современность : международный сб. научн. тр. – Воронеж : ВГУИТ, 2013. – Вып. 6. – С. 154-164.
5. Черниговских И. В. Основные подсистемы общества: борьба за доминирование // Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects : materials of the IV international scientific conference on March 13–14, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – P. 6-9.

РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ

Иванова О.А.¹, Серикова В.П.²

Социологический подход к конфликту традиционного и электронного обучения в системе высшего образования

¹Современная гуманитарная академия, соискатель

²ВЦИОМ, Специалист организации исследований

(Россия, Москва)

doi:10.18411/spc-10-01-2018-04

idsp: 000001:spc-10-01-2018-04

Аннотация

В статье авторами представляются основные противоречия традиционного и инновационного (электронного) обучения в российском высшем образовании. К основным противоречиям можно отнести: воспитанность участников образовательного процесса; низкий уровень качества традиционного российского образования; трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества правового обеспечения; нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая неподготовленность профессорско-преподавательского состава (ППС); низкий уровень учета потребностей общества.

Ключевые слова: конфликт, инновации, российские традиции, противоречия, образование, электронное обучение, потребности, качество правового обеспечения, управление, общество.

В настоящее время у общества появились новейшие средства для своего развития. К ним относятся – цифровые технологии, являющиеся инновационными технологиями обучения. Разумеется, их использование необходимо в системе высшего образования для решения важнейших управленческих и образовательных задач. Как известно, электронное обучение – это инновация, а как любое новое направление оно влечет за собой проблемы его сочетания и объединения со старым, традиционным. Такого рода столкновение, безусловно, приводит к конфликту [7;8] между традиционным и инновационным обучением в системе социального управления высшим образованием [5].

Конфликт как предмет исследований в социологии был определен и обоснован в работах современных отечественных ученых, таких как А.В. Дмитриевым, А.Я. Анцуповым, А.И. Шипиловым, Е.И. Степановым и многими другими. Как справедливо указывает А.В. Дмитриев, конфликт – это «столкновение противоположных интересов, взглядов» [6].

Результаты анализа научной литературы показывают, что большинство исследователей солидарны с утверждением, что в настоящее время особо актуальна проблема сбалансированности двух социокультурных феноменов «традиции» и «инновации». Например, на этот факт указывают социологические исследования ученых. Так «традиции, есть явление, объективно существующее и устоявшееся, тогда как инновации подлежат внедрению, в связи с чем, возникает противоречие между старым и новым» [1;4].

Как показывает социальная практика, традиция всегда должна оставлять простор для инноваций и творчества [9]. Создание нового, никогда не начинается «с чистого листа».

К формам электронного обучения можно отнести: работу (самостоятельную) с электронными материалами, с использованием электронных технологий, таких как: персональный компьютер, DVD или MP3–проигрыватели, телевизор, мобильный телефон; получение советов, оценок у находящегося в территориальном удалении эксперта, консультаций, возможность дистанционного одновременного взаимодействия; своевременное предоставление электронных пособий, материалов.

Безусловно, никакое общественное явление не может полностью отрицать предыдущие технологии и традиции. В этой связи оно должно основываться на традиционном обучении [2]. Электронные технологии, как инновации – это средства передачи информации. Использование электронных средств позволяет лишь совершенствовать, например, формы лекционных занятий: проблемные, пресс-конференции, визуализации и другие[4].

Очевидно, одним из главных противоречий в реализации электронного обучения, является воспитанность участников образовательного процесса. В 2016 году было проведено социологическое и опробованное на ряде научных собраний исследование. Так, 15 марта 2016 года в ГАОУ ВО МГПУ состоялась международная научная конференция «Социальное проектирование московского высшего образования». Исследование проводилось по тематике: «Доступность и качество московского образования» (кластеры – 14 вузов, колледжей – 12, общеобразовательных школ – 10). Выборка – 1200 человек (работодатели, родители обучающихся, студенты, ученики старших классов). Ошибка выборки не более – 3%, эксперты – 37 человек. Уровень качества профессиональной подготовки ППС вузов: экспертные мнения (N = 32).

Результаты исследования показывают, что имея большой объем информации, пребывать «в пустую» в аудитории с преподавателем – дорогое мероприятие, если считать большие затраты времени. Некоторые эксперты, трактуют смысл электронного обучения, как облегченный поиск информации. Как показывают результаты наблюдения образовательной практики это более сложная, технологически разнообразная функциональность, чем традиционное классно-урочное обучение. Безусловно, она должна быть не революционной, а эволюционной.

Опросы студентов, родителей и законных представителей студентов, сотрудников школ и вузов показывают, что все они испытывают трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества нормативно-правового обеспечения (Рисунок 1).

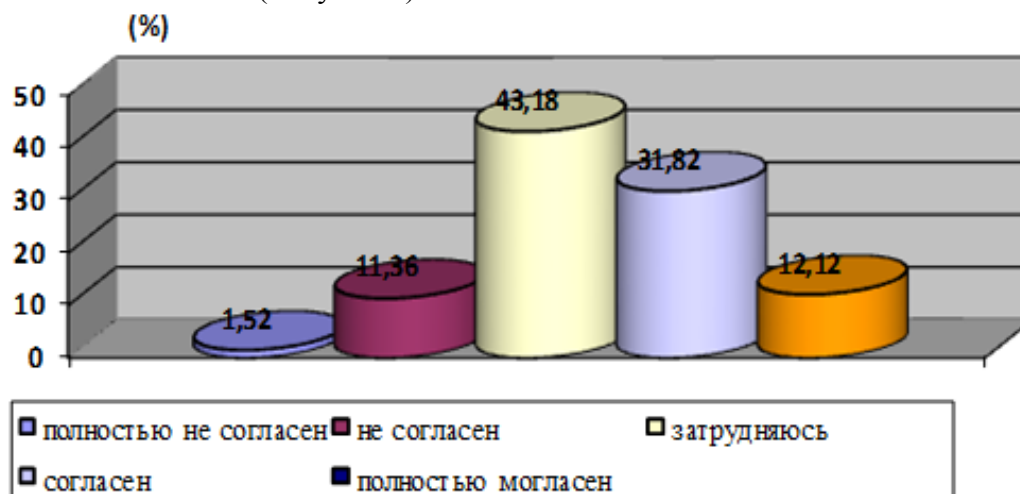

Рисунок 1. Мнение сотрудников вузов о необходимости рационализации нормативно-правового обеспечения реализации стратегии образования

В особенности опасны законодательные (правовые) неточности. Это, в свою очередь, вызывает затруднение, дезорганизацию деятельности как исполнительной, так и судебной структуры. Так, например, в статье 2 ФЗ 273 «Об образовании в РФ» образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»[3].

Особое место в системе российского образования занимает проблема нравственной, морально-психологической, профессиональной, педагогической. Как известно, икс-поколение испытывает затруднения в знаниях электронных технологий, а для подрастающего поколения проблема в базовых гуманитарных знаниях. Этому утверждению имеется весомое подтверждение конкретными фактами социологического исследования. Так, в образовательные структуры, на руководящие должности уже пришли кадры, получившие «высшее образование», а также ученые степени и звания в 1990-х начале 2000-х годов.

Как показали результаты исследования образования г. Москвы, прослеживается низкий уровень профессионализма ППС образовательных организаций (Рисунок 2).

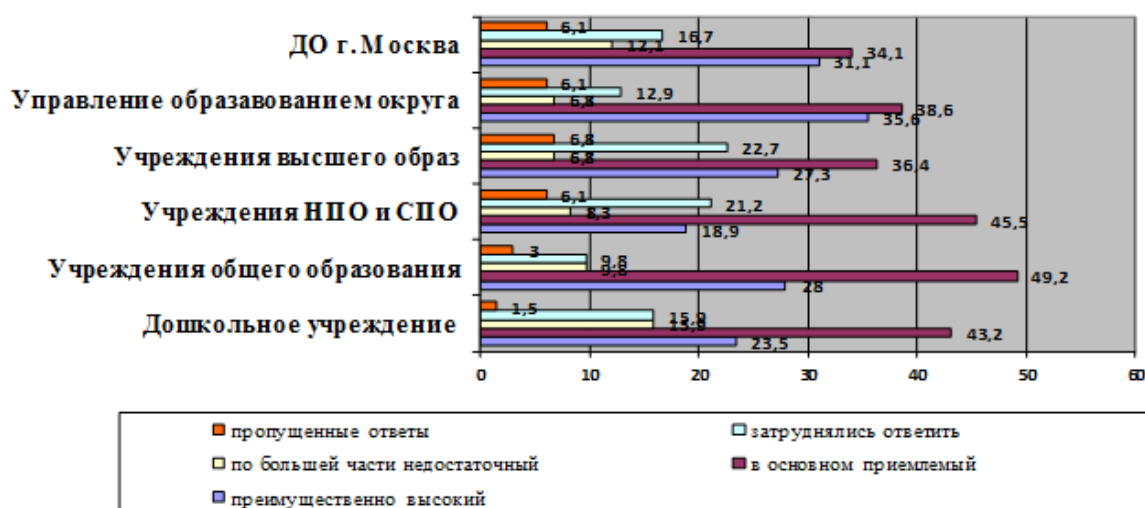

Рисунок 2. Профессионализм преподавательских кадров учебных заведений г. Москвы

В данных условиях общество стремится получать высшее образование традиционным путем. В России всегда славилась образованные люди. Традиционно не образованный человек в нашей стране являлся ущербным. Быть может, этот факт является фундаментальным показателем перспективы электронного обучения в России. Анализ научной литературы показал, что, например, в 1918 году было запланировано введение обязательного бесплатного среднего образования. В большинстве уездных городах были созданы гимназии, чего не было в самых прогрессивных европейских странах. Так, показателем высокого уровня образования в Царской России являлся тот факт, что «накануне войны в России было более 100 вузов со 150 000 студентов (во Франции в тоже время – примерно 40 000 студентов)» [4].

Безусловно, такие отечественные традиции в значительной степени укоренившиеся во времена Советского Союза не могут быстро исчезнуть, как бы этого не желал запад. В то же время формы традиционного отечественного образования становятся недопустимым для обучения общественности, в этой связи отсутствуют альтернативы применения средств электронного обучения.

Как показывает зарубежный социальный опыт (США, Великобритания, Южная Корея), что там обучение с использованием дистанционных (электронных) технологий являются первостепенными. Так, например, на сегодняшний день в Южной Корее, 85% трудового населения проходит регулярную ежегодную переподготовку в системе электронного (дистанционного) обучения. Другими словами, качество электронного обучения с использованием дистанционных средств обучения в высших учебных заведениях во многом зависит от базовой подготовленности обучаемых.

Проблема внедрения инновационного (электронного) обучения в высших учебных заведениях остаётся актуальной по причине низкого уровня учета потребностей общества, так же в обеспечении их реализации (Рисунок 3).

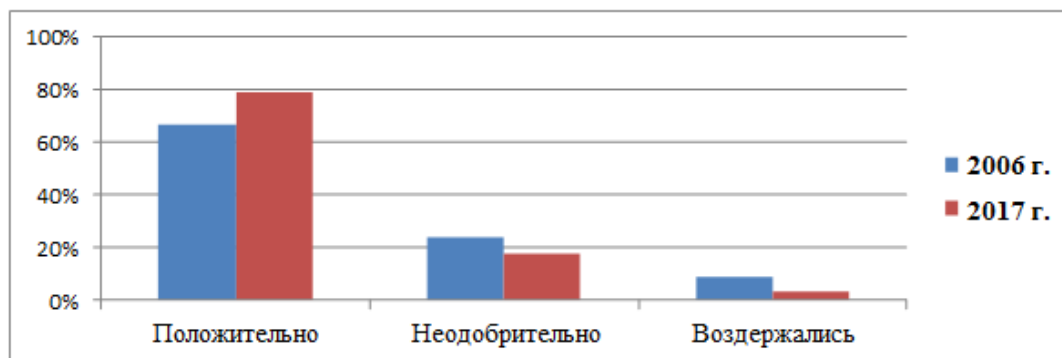

Рисунок 3. Опрос отношения студентов к совмещению учебы с работой

По данным инициативного всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного в 2017 г., совмещение учебы с работой с годами становится в нашем обществе все более привычным. Так, если в 2006г. положительно относились к этому 67%, то в 2017г. – уже 79%. Неодобрение высказывают сегодня 18% (против 24% ранее). При этом, получение полного высшего образования на дневной форме обучения всё ещё является наиболее предпочтительной для абитуриентов и их родителей. Совмещение же инновационных форм обучения и возможностью работать у студентов вузов станет более возможной, исходя из потребностей общества. Как показывает социальная практика, в этом и состоит одно из противоречий между традиционным и электронным обучением в российских вузах. Система управления высшим образованием никак не реагирует на изменения современного общества, и не оказывает помощь студентам в период учебы в получении знаний на практике. Система высшего образования должна быть гибкой и, безусловно, отвечать потребностям современного общества.

Таким образом, конфликт традиционного и электронного обучения в системе высшего образования обусловлен следующими основными противоречиями в реализации электронного обучения:

- воспитанность участников образовательного процесса;
- низкий уровень качества традиционного российского образования;
- трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества правового обеспечения;
- нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая неподготовленность ППС;
- низкий уровень учета потребностей и мнений общественности.

1. Гостев, А.Н. Отечественные традиции и западные инновации в системе управления высшим образованием: противоречия, пути разрешения [Текст] / А.Н. Гостев, О.А. Иванова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Всероссийский научный журнал. – Краснодар, 2017. – №10 – С. 36–40.
2. Гостев, А.Н. Педагогические конфликтогены электронного обучения в контексте социологического исследования [Текст] / А.Н. Гостев, Н.И. Кобзева, О.А. Иванова // ВЕСТНИК Оренбургского государственного университета. – М.: ОГУ, 2017. – №5 (205) – С. 3-14.

3. Гостев, А.Н. Проблемы качества электронное обучения [Текст] // А.Н. Гостев, Т.С. Демченко / Социология образования. Издательство – М.: 2017. – № 3. – С. 4-21.
4. Гостев, А.Н. Управление высшим образование: Российские традиции [Текст] / А.Н. Гостев, В.П. Серикова / Монография – М.: СГА, 2016. – 177с.
5. Демченко, Т.С. Система высшего образования: проблемы социального контроля [Текст] / Т.С. Демченко // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. - № 2 (15). - С. 178-184.
6. Дмитриев, А. В. Конфликтология: Учебное пособие [Текст] / А. В. Дмитриев / – М. : Изд-во Гардарики, 2000. – С. 302.
7. Иванова, О.А. Конфликты в сфере образования [Текст] / О.А. Иванова // Кластеры. Исследования и разработки. – М.: Московский кластер бизнес-инициатив (Москластер). 2017. – С.40 - 46.
8. Иванова, О.А. Востребованность выпускников российских вузов: конфликт традиций и инноваций [Текст] / О. А. Иванова // Научные исследования и современное образование : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 апр. 2017 г.). / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 141–144.
9. Мацневский, Г.О. Инновации и традиции в образовании [Текст] / Г.О. Мацневский // Успехи современного естествознания. – Старый Оскол, Белгородская обл, 2010. № 9. – С. 160–162.

Лучшев Б.С.

Религиозность и потребление психоактивных веществ

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
(Россия, Казань)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-05

idsp: 000001:spc-10-01-2018-05

Россия исторически является многоконфессиональной и многорелигиозной страной и сегодня, определить какие и сколько религий исповедуют граждане нашей страны с абсолютной точностью практически невозможно. С 1990-х годов в России наблюдается религиозный ренессанс, когда не только традиционные для страны религии, но и новые религиозные культы и учения получают свою актуализацию.

Основным мотивом обращения россиян к нетрадиционным религиям состоит в том, что их не удовлетворяют ответы и решения, даваемые официальной светской и церковной идеологией. Они надеются, что новые религиозно-утопические программы сакрального совершенствования человека и оздоровления общества приведут к чудодейственному разрешению всех трудностей, с которыми столкнулась современная Россия (да и мир в целом), и безотлагательно помогут им лично.

Среди нетрадиционных религий сегодня получили распространение неохристианские, неоиудаистские, неовосточные, неоязыческие религии, современный сатанизм и новый оккультизм. Новый оккультизм нашел своих приверженцев среди психоделических групп, где религиозно-мистический культ часто выстраивается на галлюцинациях вызванных регулярным использованием наркотических средств.

Русская православная церковь (РПЦ) ведет активную борьбу со многими религиозными движениями, стараясь подчеркнуть их отрицательные стороны. Враждебно относятся к новым религиозным объединениям и родители, чьи дети под влиянием миссионеров перестали учиться, ушли с работы, бросили свои семьи.

Новые явления в жизни российского общества становятся объектом пристального внимания и изучения. Прежде всего, это касается исследований влияния религии на употребление алкоголя и наркотиков.

На обыденном уровне бытует мнение, что новые нетрадиционные религии опасны, в том числе и тем, что вовлекают молодежь в потребление психоактивных веществ (ПАВ), а традиционные для России религии, такие как ислам и христианство прививают такую норму поведения, которая ведет к отказу от использования психоактивных веществ.

Вместе с тем, большинство исследований, проведенных в разных субъектах Российской Федерации, показывает, что религиозность молодежи часто носит поверхностный, декларированный характер и для многих не является содержанием

реальной внутренней жизни, представляя собой «веру по праздникам» и «когда остро необходимо». Та же молодежь, которая демонстрирует значительную включенность в религию, демонстрирует низкие показатели наркотизации и алкоголизации. Поэтому рост религиозного самосознания рассматривается как сдерживающий фактор ненормативного поведения, а слабая религиозность воспринимается как непосредственная причина девиантного поведения.

Мощные возможности религии воздействовать на молодежь, их ценности, сознание и поведение определяет необходимость постоянного анализа процессов, происходящих как в самой религиозной среде, так и ее возможности влиять на молодое поколение. И здесь следует помнить, что религия обладает двоякой возможностью - это возможность усиливать психологическую напряженность индивида, что приведет его к девиантному поведению, а так же возможность быть мощным ресурсом в профилактике алкоголизации и наркотизации в молодежной среде.

1. Антонова О.И., Колесникова К.И. Религия в жизни российской молодежи или молодежь в религиозной жизни //СОЦИС. 2007. №5. С.138-145.
2. Позднякова М.Е. Социологический анализ влияния религии на отношение молодежи к наркотикам в полиэтничной Москве /М.Е. Позднякова, Л.М. Романенко, В.В. Моисеева, Т.В. Чекинева //Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии. М.: Институт социологии РАН, 2005.
3. Моисеева В.В. Связь религиозности с употреблением психоактивных веществ в молодежной среде //Девиации и контроль: результаты эмпирических исследований отклоняющегося поведения в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
4. Моисеева В.В., Позднякова М.Е. Может ли религия противодействовать наркотизации молодежи //Мониторинг общественного мнения. 2007. №4 (84). С. 138-150.
5. Церковь как субъект социального сопровождения профилактики наркомании. – URL: <http://www.lartdoll.net/osnovnye-tehnologii-profilaktiki-narkomanii-kurs-lektsij/136-cerkov-kak-subekt-socialnogo-soprovozhdenija.html> (дата обращения: 24.11.2017 г.).

РАЗДЕЛ III. ПОЛИТОЛОГИЯ

Васильева И.А.

К вопросу о типологии конфликтов на государственной службе

Государственный Университет управления

(Россия, Москва)

doi:10.18411/spc-10-01-2018-06

ids: 000001:spc-10-01-2018-06

Вопрос о типологии конфликтов в государственной службе является одним из наиболее дискуссионных в современной административной науке. В специальной литературе наиболее распространена типология служебных конфликтов К.О. Магомедова, в зависимости от субъектов конфликта: конфликты между государственно-административными и политическими структурами (1); конфликты между государственно-административными структурами, подведомственными им организациями, бизнес-структурами и негосударственными некоммерческими организациями (2); межведомственные конфликты (3); конфликты между центральными, региональными органами государственного управления и органами местного самоуправления (4); конфликты внутри государственных органов, учреждений и организаций - вертикальные и горизонтальные (5); межличностные конфликты - между отдельными госслужащими (6) [2].

По характеру отношений на госслужбе выделяют властно- распорядительные, административно-служебные, трудовые, гендерные конфликты [4].

По характеру субъектов конфликта в государственной сфере (институт либо личность), а также уровню соподчиненности участников конфликта (линейная, функциональная, матричная), выделяют институциональные, межличностные и внутриличностные конфликты [3].

Изложенные типологии, при всем их многообразии, являются «одномерными», поскольку построены на одном-двух типологических признаках. В современных динамичных условиях, на развитие российского института государственной службы оказывают влияние сразу несколько групп факторов различного генеза. Вот почему, валидной представляется типология государственно-административных конфликтов, основанная на многомерных критериях.

Конфликты на государственной службе – это вид социальных конфликтов, которые, в то же время, имеют определенную специфику, обусловленную особенностью организации и функционирования сферы государственно-административного управления [1].

В этой связи, можно выделить три группы факторов, влияющих на характер и динамику конфликтов на государственной службе.

1. Социальные – широкий спектр общественных, политических, социально-психологических, политико-культурных факторов, связанных с различиями менталитета, вероисповедания, национальности, характера, уровня интеллекта, эмпатии, амбиций госслужащих.
2. Политико-административные – совокупность организационно-управленческих факторов, образующих микросреду административно-управленческой деятельности. К таковым относятся: особенности статуса государственных служащих, (включая вид и уровень государственной службы, разрешения, запреты, дозволения, требования к государственной должности государственной службы и замещаемому ее лицу); структурно-функциональные (специфика организационной структуры

государственного органа, функционал госслужащего, темп и интенсивность работы); организационно-технические (оснащенность рабочего места, уровень комфорта рабочей среды, технико-технологическое обеспечение профессионально-служебной деятельности); профессионально-квалификационные (степень соответствия сотрудника по профессионально-квалификационным, моральным, психологическим качествам).

В зависимости от того, каким содержанием наполняются вышеизложенные «переменные», можно выделить различные типы конфликтов в государственно-административной сфере.

1) структурно-организационные конфликты (вызваны ошибками в построении структуры государственного органа или ее изменении; проблемами качества технического и технологического оснащения рабочих мест госслужащих; просчетами в распределении функциональных обязанностей);

2) функционально-организационные конфликты (обусловлены недостаточностью взаимодействия госоргана с внешней средой, недостатками организации взаимодействия госслужащих внутри организации; недостаточностью или искаженностью коммуникаций);

3) лично-функциональные (неполное соответствие госслужащего замещаемой должности по профессиональным, моральным и иным качествам; плохой эмоциональный микроклимат в коллективе; субъективный подход руководителей);

4) ситуативно-управленческие (просчеты в принятии и исполнении политических и управленческих решений).

Представленный подход к типологии основан на понимании государственной службы как многомерного, динамично развивающегося социально-политического и правового института российской государственности. Его применение, как представляется, позволит выявить многообразные конфликтогенные факторы в государственно-административной сфере, в целях профилактики их развития.

1. Гимазова Ю.В., Знаменский Д.Ю., Омельченко Н.А., Харичкин И.К. Взаимодействие государства и социально ориентированных некоммерческих частных организаций. – Москва, 2015.
2. Магомедов К.О. Конфликт интересов в системе государственной гражданской службы: социологический аспект исследования проблемы // Государственная служба. - М., 2005. № 6. С. 32 – 37.
3. Попова О.В. Регулирование социальных конфликтов государственной гражданской службой. - М., 2006. 203 с.
4. Тимофеева Л.Н. Конфликты на государственной службе. - М., 2009. 175с.

Кулинченко А.В.

Марксизм-ленинизм об управлении обществом: идеалы и их революционное воплощение в России

*Финансовый университет при Правительстве РФ
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-07

idsp: 000001:spc-10-01-2018-07

Революция 1917 года в России была обусловлена действием многих причин и факторов, как внутренних, так и внешних. Одним из факторов, оказавших значительное влияние на октябрьский переворот и последующее развитие событий, была марксистская теория общественного развития, положениями которой во многом руководствовалась захватившая власть партия большевиков. Совершая пролетарскую революцию в крестьянской стране, большевики нередко были вынуждены отступать от

её важнейших положений, сохраняя, тем не менее, основную задачу и цель – разрушение старого и построение нового общества, свободного от эксплуатации.

Согласно К. Марксу, «лишь во имя всеобщих прав общества отдельный класс может притязать на всеобщее господство». [1] Поэтому, классовый интерес пролетариата должен предстать как всеобщий. По мысли основоположников марксизма, пролетариат, освобождая себя, тем самым освобождает всё общество: пролетарское движение есть движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат не может подняться и выпрямиться без того, чтобы «при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество». [3]

Однако революционное насилие до неузнаваемости исказило и превратило в противоположность заявленные цели и задачи. Сегодня нам хорошо известно, что конечные цели революции в России не были достигнуты. Знаменитые декреты о мире и земле быстро превратились в краткосрочные инструменты партийной пропаганды. Вместо мира была развязана кровопролитная гражданская война, земля была изъята у крестьян в годы принудительной коллективизации. Нечто подобное произошло и с марксистской концепцией управления обществом. Уже первые попытки её воплощения в жизнь привели к серьёзным отступлениям от основополагающих положений, которые, сохраняя статус азбучных истин теории, были подвергнуты забвению и превратились на практике в свою противоположность.

Иного трудно ожидать в условиях, когда процесс модернизации страны осуществлялся на пути наиболее болезненного и трагического революционного разрушения предшествующей общественной организации под руководством крайних политических сил, вооруженных идеями радикального преобразования общества. Место общего (всеобщего) интереса, которому должна была бы служить революционная власть, занял негативно общий интерес. Торжествовало объединение радикальных элементов не столько «за», сколько «против» – классов, сословий, объединений людей, отдельных личностей, круг которых постоянно увеличивался. Теперь очевидно, что известные слова Ленина о революции не следствие полемического задора. Он писал, что революция есть такой период народной жизни, когда «веками накопившаяся злоба» прорывается наружу «в действиях миллионных народных масс». Революционный вихрь есть создание народом новой власти над насильниками старого полицейского уклада, применение народом насилия «для устранения... и обезвреживания этих диких собак». [8]

Подобное «революционное одичание» масс, руководимых злобой и ненавистью – негодный инструмент для созидания нового общества. Особенно по весьма туманным проектам и лекалам. Тем не менее, большая часть XX века прошла в России под знаком коммунистического эксперимента, «утопии у власти», стремящейся навязать обществу отвлеченную, абстрактную модель развития.

В основе этой абстрактно-теоретической модели лежал постулат о неспособности буржуазного общества самостоятельно преодолеть существующие в нем противоречия и несправедливости. Поэтому, для того, чтобы изменить сложившееся положение, общество должно, по мнению классиков марксизма, открыто взять в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного. Тогда их общественный характер будет использован производителями с полной сознательностью, и анархия в производстве заменится общественно-плановым регулированием производства. С этой целью пролетариат должен взять в свои руки государственную власть и превратить средства производства в государственную собственность. Но превращая себя путём революции в господствующий класс и силой упраздняя старые производственные отношения,

пролетариат призван уничтожить условия существования классовой противоположности, классы вообще, вместе с ними - свое собственное господство как класса, и тем самым уничтожить государство как государство. [3, 5]

Опыт реализации этих революционных идей является весьма непростым объектом для исследования. Он представляет собой причудливый сплав из доктринёрского стремления следовать «букве» марксистского учения, из практических действий, которые, противоречили его отдельным положениям, но при этом раскрывали его истинный «дух», а также из воздействия многочисленных конкретных обстоятельств, обусловленных своеобразием российских условий и спецификой социально-политических процессов в стране и в мире в целом. Поэтому на практике абстрактно-теоретическая модель и приобрела совершенно иное воплощение.

В соответствии с марксистской теорией, публичная власть окончательно потеряет свой политический характер только вместе с ликвидацией общественного разделения труда, которое невозможно устранить сразу, одной экспроприацией капиталистов. Даже свергнув капитализм, люди не научатся сразу работать на общество без всяких норм права и, следовательно, без аппарата, способного принуждать к соблюдению этих норм. Поэтому еще остается необходимость в государстве, которое передается победившему пролетариату «по наследству» как неизбежное зло, но пролетариат «вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла» и создать новый тип государства. [3, 6, 7]

Речь идет о государстве диктатуры пролетариата, которое одновременно представляет собой высшую форму демократии. Возникает естественный вопрос, как такое возможно? Как диктатура стала демократией? Марксистско-ленинская теория даёт ответ: этому государству еще необходим особый аппарат для подавления сопротивления эксплуататоров, но надобность в машине подавления начинает исчезать, поскольку впервые в истории подавление осуществляется большинством вчерашних эксплуатируемых над меньшинством эксплуататоров. Поэтому это уже не государство в собственном смысле. Оно сочетает в своей деятельности подавление своих классовых, политических противников с решением задач созидательных, направленных на строительство нового общества.[7, 11] Советская организация власти по типу Парижской Коммуны предполагает универсальный, всеобщий, всенародный контроль над деятельностью должностных лиц, роль которых будет ограничиваться «простым исполнением поручений». Упрощение функций управления приведет к тому, что они со временем «отпадут как особые функции особого слоя людей» и будут выполняться всеми по очереди. Когда громадное большинство членов общества возьмёт дело управления в свои руки, с этого момента начнёт исчезать «надобность во всяком управлении вообще».[7] По Ф.Энгельсу, «общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами». [4] Это в теории. Практика же вносит свои коррективы.

На деле быстро выясняется, что строительство нового общества невозможно без строгого контроля и принуждения не только в отношении бывших эксплуататоров, но также и тех рабочих, которые «глубоко развращены капитализмом». Поэтому при отсутствии идеальной дисциплины и сознательности участников общей работы В.И.Ленин выступал за «беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц». Более того, в условиях, когда диктатура пролетариата осуществляется через «тончайший слой» его передовых представителей, неизбежна, – по Ленину, – «бюрократизация» даже пролетарских должностных лиц», которые превращаются в «оторванных от масс, в стоящих над массами, привилегированных лиц». [7, 9]

Следовательно, необходим контроль также и за функционерами пролетарского государства.

Формируется иная модель воплощения «пролетарской диктатуры», выражающая ряд последовательной соподчинённости «отсталых» представителей – «передовым», основанной на степени их «сознательности и организованности». Видимый и пропагандируемый внешний слой – это рабочий класс, авангардная (организаторская) роль которого, по Ленину, состоит во всемерном вовлечении трудящихся в дело управления государством, которое способно поднять большинство населения до самостоятельного исторического творчества. Второй, более сознательный и организованный слой – пролетарская партия, авангард рабочего класса. Но и внутри него имеются, по меньшей мере, три уровня: «партийная масса»; руководящие ей «профессиональные революционеры» (партийные функционеры); наконец, вождь как ядро и олицетворение всей системы.

Связанная «железной дисциплиной» ленинская партия «нового типа» по самой своей сути оказалась предназначена для того, чтобы, вывернувшись и распрямившись, как сжатая пружина, разрушить прежнюю социальную организацию и подчинить себе все общество, построив новую социальную иерархию со своим вождем на вершине. Считая себя силой, вносящей «сознание в рабочее движение», эта партия в принципе не могла быть поставлена под контроль кого бы то ни было в вопросах организации нового общества. Напротив, именно ее вожди и высшие функционеры были призваны контролировать правильность избранного курса и осуществляемых действий. Рожденная и долгое время действующая в условиях нелегальной работы, использующая принципы организации, во многом сходные с военными, она широко использовала военно-административные методы строительства нового общества, породив уродливые детища «военного коммунизма» и «казарменного социализма».

Действие этого механизма подмены продекларированного в теории господства трудящегося большинства народа над бывшими эксплуататорами – диктатурой, сначала класса, затем партии и ее вождей (отдельных лиц) над всем народом, – привело к становлению нового исторического явления – тоталитарного общества. В страшных реалиях этого бесчеловечного общества нашло своё воплощение ленинское определение диктатуры как власти, «опирающейся непосредственно на насилие, не связанной никакими законами». [10]

Силами многих учёных, зарубежных и отечественных, создана объёмная картина источников формирования, этапов становления, механизмов функционирования, коренных пороков и исторического поражения тоталитарного общества. Исследователи убедительно показали, что его характерными чертами являются: идеологизация всей общественной жизни, концентрация власти в руках высшего руководства партийно-государственного аппарата, который осуществляет тотальный контроль над обществом, насаждая атмосферу насилия и страха, используя методы массовых репрессий, полностью подавляя личность и превращая человека в «винтик» огромной машины, готовый жертвовать собой и повиноваться приказам свыше.

Говоря о коммунистическом варианте тоталитаризма, следует особо выделить полное разрушение общечивилизационных начал: тотальное огосударствление экономики, разгром нарождавшихся многопартийности и парламентаризма, свободных выборов, местного самоуправления, гражданского общества. В нашей стране дело обернулось на практике господством «ордена меченосцев» – узурпировавшего власть, управленческие функции и присвоившего собственность всего народа. И.В.Сталин считал компартию «своего рода орденом меченосцев внутри государства Советского,

направляющим органы последнего и одухотворяющим их деятельность». [См.: Сталин И.В. Соч. Т.5. С.71.]

В.И. Ленин прямо указывал, что «управляет у нас единственная правительственная партия». [13] По сути, она являлась партией-государством (в его марксистском понимании) и стремилась направлять деятельность народных масс, всего общества, государственных и общественных органов и организаций. На этом основании идеологи КПСС настаивали на том, что «политическое руководство», осуществляемое коммунистической партией, нельзя «отождествлять с любым видом управления социальными процессами». По их мнению, партия определяет принципиальные направления развития, и потому ее руководящая деятельность представляет собой «управляющую деятельность высшего уровня». Непосредственное регулирование общественной жизни в соответствии с принципиальными установками коммунистической партии является делом государства.

Однако поскольку последнее представляет собой «полугосударство» (сначала «самая демократичная» пролетарская диктатура, позднее «социалистическое общенародное государство»), над которым произведена насильственная ампутация демократических («буржуазных») процедур формирования органов публичной власти, задача управления делами общества была подменена задачей управления «строительством нового общества». На первый взгляд, все выглядит таким образом, будто политика (политическая стратегия) подчинила себе управление. Но если учесть, что реальные рычаги власти и управления находились в руках у неподконтрольных ни народу, ни партийным массам «отдельных людей», наделенных диктаторскими полномочиями, картина существенным образом меняется. Цели и методы управления зависят от произвола вождей, которые вольны менять их в зависимости от собственных представлений о «политической целесообразности». Историки КПСС могут привести многочисленные примеры резкого изменения «линии партии»: политика «военного коммунизма» и НЭП, «развёрнутое строительство социализма по всему фронту» и «преодоление культа личности», «строительство развитого социализма» и «перестройка». Однако еще более красноречивым сделали бы этот список многочисленные примеры различных «кампаний по разоблачению», «чисток рядов», открытых репрессий и скрытой, «подковёрной» борьбы партийных функционеров. Если в первом случае еще можно говорить о феномене политизации управленческих функций, то последующие примеры принадлежат к области политиканства и интриг.

Даже в соответствии с марксистской теорией областью политики является классовая борьба внутри страны или между государствами, принадлежащими к различным социально-экономическим системам. Однако в нашей стране «пролетарская диктатура» сумела в исторически кратчайшие сроки уничтожить не только своих политических оппонентов – «буржуазные политические партии», но также целые классы, слои и социальные группы, составляющие их основу. Была ликвидирована прежняя структура общества, устранена даже тень возможности свободного волеизъявления и самоорганизации в политической сфере.

Поэтому единственным оправданием для господства «политики» (то есть осуществляющего «политическое руководство» высших партийных функционеров) над управлением оставалось противоборство с внешним врагом. Однако в условиях, когда в качестве главной задачи провозглашалось строительство «нового общества», и к ее решению в соответствии с официальной пропагандой должно быть привлечено большинство трудящихся, этого было недостаточно. Крупные неудачи на отдельных направлениях практической работы, противоречия и интриги в партийном руководстве, привлечение к работе и активизация большого количества «сознательных представителей» из низов – всё это создавало значительное давление на руководящий

слой, требовало принятия эффективных мер, направленных на сохранение его властвующей позиции.

Прежде всего, партийные вожди и всецело подчиненный им партийно-государственный аппарат, манипулируя сознанием масс и безгранично умножая число внешних и внутренних врагов, сосредоточили все внимание трудящихся только на одном – на разоблачении скрытых «хранителей чуждых традиций» в их собственной среде. С течением времени это привело к окончательному отчуждению большинства народа от власти. Люди были дезориентированы и разобщены до такой степени, что в обстановке всеобщей вины специально созданный репрессивный аппарат получил возможность применять методы насилия в отношении самих трудящихся масс, а не только для подавления «меньшинства бывших эксплуататоров».

Иными словами, характерной чертой созданной в нашей стране после октябрьского переворота 1917 года системы власти и управления стало именно то, что она сумела обратить всю мощь государства не только против своих политических противников, но также против тех социальных сил, которые она провозглашала своей опорой. Широко применяя методы насилия от имени пролетарского государства, узкий властвующий слой должен был постоянно подтверждать, что именно он является выразителем коренных интересов трудящихся в деле строительства нового общества. Для этого было необходимо распространить свое влияние на все без исключения сферы общественной жизни. Её тотальное огосударствление, контроль сверху и детальная регламентация всей созидательной работы были неизбежны. Это совпадало с главной задачей правящего слоя, направленной на укрепление его властных позиций.

Однако, партийно-государственный аппарат пролетарской диктатуры, который был создан для достижения целей, далеких от задач созидания, в совершенстве владел лишь одним методом решения всех проблем – методом приказа и принуждения. Когда подобные методы стали неотъемлемой составной частью повседневной созидательной работы, были стерты все мыслимые грани между управлением и подавлением, разрушением и созиданием. Это самым негативным образом отразилось на управлении общественной системой, деформировало его. Управление оказалось в плену у политиканства правящего слоя.

Укрепляя сложившуюся систему власти и управления и одновременно находя в ней опору, партийно-государственный аппарат преследовал собственные корыстные интересы и потому боролся с малейшими попытками ограничить сферу своего влияния и контроля. Некомпетентное вмешательство в производственный процесс начало принимать уродливые формы, вроде того, например, что определение сроков сева перестало быть делом агронома.

Стремление неразрывно соединить управление с идеологией, сделать политическим любой вопрос, чтобы подтвердить свою привилегию на власть и управление, скрыть некомпетентность, сохранить свое господство и паразитизм стали характерными формами проявления политиканства в управлении общественными делами. На практике восторжествовало полное отождествление управления обществом с тотальным партийно-государственным управлением или сверхцентрализованным управлением, которое осуществляется партийно-государственным аппаратом в целях «построения нового общества».

В подобных условиях управление обществом существует лишь в виде жестких команд, направленных на достижение цели, о правомерности которой может судить лишь центр власти. Последний преследует собственные цели, полностью оторван от реальностей общественной жизни и происходящих в ней процессов. Люди лишены возможности открыто заявить о своих действительных интересах. Хотя в этом

обществе много говорится о политике, но на практике она выродилась в политиканство, свелась к пропагандистскому обеспечению власти правящего слоя.

Тотальное управление всеми сферами общественной жизни пропагандировалось властью в качестве важнейшего признака и коренного преимущества нового строя. Однако, будучи направлена на достижение утопических целей и бездарно растрачивая все новые человеческие и материальные ресурсы, тоталитарная система начинала терять жизнеспособность. Эволюция тоталитарного режима в сторону авторитаризма не изменила суть системы сверхцентрализованного партийно-государственного управления – ограничивающей местную инициативу, регламентирующей все стороны жизни, подавляющей творческую активность трудящихся. Она стала неотъемлемой составной частью и признаком модели авторитарно-бюрократического социализма.

Однако, замкнувшись в себе и поэтапно утрачивая связь с реальной жизнью страны и процессами, которыми она призвана была управлять, система управления эволюционировала в сторону формирования иной модели общественно-политической организации – все более превращаясь в административно-бюрократическую систему. Вместе с тем, она не могла добровольно сложить взятые на себя функции и соответствующие им привилегии. Поэтому административно-бюрократическая система управления по-прежнему стремилась направлять общественное развитие, подрывая его основной источник – подавляя социальную активность народа. Сопrotивляясь реформам и неспособная к ним, она не замечала этого острейшего противоречия своего существования. В результате административно-бюрократическая система не только не сумела изменить общество в желаемом направлении, но напротив, занимая в общественной системе центральное положение, привела социальные процессы к застою, а общество – к системному кризису.

В организации системы партийно-государственного управления имелись существенные изъяны, пороки, которые не могли не привести ее к краху. Это сверхцентрализация, всесторонняя регламентация и тотальный контроль во всех областях общественной жизни, невозможность эффективного выполнения принятых на себя функций и утрата связи с реальными общественными процессами. Советский тип управления обществом потерпел сокрушительное поражение. Главные цели революции не были достигнуты. Управление, подчиненное интересам политиканства правящего слоя, привело к потере управляемости общества. Революционные потрясения и утраты, грандиозное напряжение усилий и подвиг народа не помешали тому, чтобы в очередной раз восторжествовала борьба эгоистических интересов, подменившая собой задачу построения нового общества.

Через сто лет после революции мы вновь стремимся к развитию, повышению благосостояния на основе реализации творческих сил народа и его лучших представителей. Этим процессом необходимо управлять. Но и сегодня на высоких позициях находятся люди, которые полагают, что «управление подразумевает элемент манипуляции», что опасно передавать власть в руки населения; которые выступают против участия людей в управлении, обладания ими соответствующими знаниями и информацией. Удивительное управление развитием, надо сказать. Подобным глашатаям очередного революционного катаклизма хочется напомнить одно из прозрений Ленина, не совпадающее с его увлечением манипуляцией одичавшими революционными массами: «если политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства». [8] Иными словами, у обманутых может вновь возникнуть «накопившаяся злоба» и желание применить насилие «для устранения диких собак».

В XXI веке пора, наконец, превратить утверждение «управление через сотрудничество» из теоретической идеи, научного постулата, пропагандистского лозунга – в императив управления обществом вместе с обществом и в общих интересах.

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С. 425-426.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С. 7-544.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 419-459.
4. Энгельс Ф. Об авторитете. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.18. С. 302-305.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С. 5-338.
6. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. С. 189-201.
7. Ленин В.И. Государство и революция. // Полн. собр. соч. Т.33. С. 1-120.
8. Ленин В.И. О конституционных иллюзиях. // Полн. собр. соч. Т.34. С. 38-39.
9. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. // Полн. собр. соч. Т.36. С. 165-208.
10. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Полн. собр. соч. Т.37. С. 235-338.
11. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. // Полн. собр. соч. Т.41. С. 1-104.
12. Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре (Заметка). // Полн. собр. соч. Т.41. С. 369-391.
13. Ленин В.И. Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта 1922 г. // Полн. собр. соч. Т.45. С. 69-117.

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИЯ

Бакланова И.С.

К вопросу о воинской дисциплине в Красной армии в период Гражданской войны (по литературе русского зарубежья)

*Московский государственный технический университет гражданской авиации
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-08

idsp: 000001:spc-10-01-2018-08

Для многих участников антибольшевистского движения, эмигрировавших из России и надеявшихся на продолжение в будущем вооруженной борьбы с коммунистической властью, было принципиально важно разобраться в причинах поражения Белого дела. Ибо, как предполагалось, выводы, сделанные на основе анализа прошлых ошибок, должны помочь одержать победу в грядущих сражениях с «советами». При этом значительная часть эмигрантских авторов, оставивших свои размышления грядущим поколениям, являлись в прошлом военнослужащими Императорской армии. Данное положение во многом и определяло проблематику их работ. Во всяком случае, в литературе русского зарубежья содержится достаточно основательный анализ факторов, лежавших в основе превращения Красной армии «из рыхлой вооруженной массы» [8, с. 105] в армию-победительницу.

Бывшие высшие офицеры Императорских вооруженных сил большое значение придавали воинской дисциплине. Так, например, генерал-лейтенант, барон А.П. фон Будберг назвал дисциплину «душой» армии, без которой вооруженные формирования представляют собой «одну видимость», полную «гноя и разложения» [2, с. 197]. В соответствии с данным положением возник вопрос: какими же способами большевики смогли наладить и поддерживать в РККА в годы Гражданской войны приемлемую воинскую дисциплину? По представлениям эмигрантских авторов это осуществлялось благодаря проводимой в армии политике «кнута и пряника». Причем, в качестве «кнута» выступали «самые жестокие меры» [6, с. 122], чаще всего – расстрел [см., например: 3, с. 326; 7, с. 6]. На фронте стойкость бойцов Красной армии, на взгляд генерал-лейтенанта В.Д. Филатьева, обеспечивали состоявшие из коммунистов заградительные отряды, располагавшиеся во второй линии [10, с. 77]. Причем их, по данным юриста, политического деятеля, министра правительства адмирала А.В. Колчака, Г.К. Гинса, наступавшие красные бойцы боялись больше неприятеля. Ибо в случае бегства, военнослужащие РККА «подвергались обстрелу сзади» [4, с. 419]. Главнокомандующий ВСЮР, генерал-лейтенант А.И. Деникин отметил, что заградительные отряды могли состоять и из «наемников» - латышей, китайцев, пленных венгров и немцев, отличавшихся, по определению указанного автора, «страшной жестокостью» [5, с. 146].

Ряд эмигрантских авторов подчеркнули ту большую роль, которую сыграли коммунисты в процессе укрепления дисциплины в Красной армии. Генерал А.И. Деникин считал, что «основное ядро» воинских формирований составляли «комячейки», в которые входили матросы и «деклассированные элементы», в частности, «старые солдаты» [5, с. 146]. Вообще, на взгляд Г.К. Гинса, каждый коммунист в армии представлял собой «наблюдателя и доносчика», осуществлявшего слежку, как за членами РКП (б), так и за беспартийными военнослужащими [4, с. 423]. Генерал-майор А.И. Андогский подытожил: большевики «удерживали в повиновении» состоявшую, в основном, из крестьян РККА «при посредстве» комиссаров-коммунистов, «комячеек», «особых частей полицейско-жандармского типа» [1, с. 73-

74]. (Тем не менее, заметим в скобках, что в работах эмигрантских авторов имеются сведения как о героизме коммунистов на полях сражений Гражданской войны [9, с. 115], так и проводимой в Красной армии агитационно-пропагандистской работе) [11, с. 389-390].

Что касается «пряника», то, по мнению генерала А.И. Андогского, РККА в годы Гражданской войны существовала за счет перераспределения в ее пользу всех средств истощенной страны. В то время как гражданское население умирало от холода и голода, военнотружашие и их семьи пользовались «хорошим жизненным обеспечением»: «обильным продовольствием» и всякими другими «житейскими преимуществами» [1, с. 4, 45-46].

Таким образом, в литературе русского зарубежья накоплен определенный опыт исследования темы. Несомненной ценностью многих работ эмигрантских авторов является то, что они представляют свидетельства людей, непосредственно участвовавших в событиях начала XX века. Тем не менее, для того, чтобы выйти на уровень серьезных научных обобщений, представляется необходимым использовать данные зарубежной историографии, а также наработки отечественных исследователей (прежде всего, военных историков).

1. Андогский А.И. Как создавалась Красная армия советской России. (Уро-ки недавнего прошлого). Критико-исторический очерк. – Владивосток, 1921. – 79 с.
2. Будберг А. Дневник//Архив Русской Революции. – Т. XII. – Берлин, 1923. – С. 197 – 290
3. Будберг А. Дневник//Архив Русской Революции. – Т. XIV. – Берлин, 1924. – С. 225-341
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысл-ли члена Омского Правительства). – Т. II.- Пекин: Типо-литография Русской Духовной Миссии, 1921. – 606 с.: ил.
5. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. – Т. 3: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май-октябрь 1918г. – Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1924. – 271 с., 33 л. илл., карт.
6. Лукомский А.С. Воспоминания. – Т. 2. – Берлин: Кирхнер, 1922. – 332 с.
7. Мамонтов С. Походы и кони. – Париж: YMCA-PRESS, 1981. – 476 с.
8. Немирович-Данченко Г.В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. – Бер-лин, 1922. – 117 с.
9. Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. – Берлин, 1920. – 168 с.
10. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири 1918-1922: Впечатления очевидца. Paris: YMCA-PRESS, 1985. – 142 с., 1 л. портр.
11. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. – М.: Современник, 1989. – 559 с.

Бодрова Е.В.

Концептуальные подходы к реформированию высшей технической школы РФ в «переходный период»

*Московский технологический университет
(Россия, Москва)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-09

idsp: 000001:spc-10-01-2018-09

Исторический опыт разработки концептуальных основ реформирования инженерного образования РФ после распада СССР представляется весьма актуальным для исследования в настоящее время. Изучение ранее не опубликованных архивных документов позволяет с большей степенью достоверности оценить основные подходы и результаты реформ в этой сфере. Все проекты разрабатывались в рамках осуществляемых тогда в стране либеральных реформ, основным являлся принцип, предполагающий «освобождение научно-технической сферы от балласта»[1]. Выжить, приспособившись к рыночным условиям, должен был и кадровый потенциал научно-технического комплекса страны. Основные направления государственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования были определены в «Государственной программе развития высшего образования в Российской

Федерации». Анализ состояния высшей школы и первоочередные меры по сохранению ее интеллектуального и материально-технического потенциала содержались в представленном в 1992 г. Президенту, Верховному Совету и Правительству Российской Федерации Докладе «Высшая школа России: состояние и программа развития»[2], подготовленном Министерством науки, высшей школы и технической политики.

Реализация программы предусматривала 3 этапа: до 1993 г. должна была проводиться реформа структуры образования, системы управления высшей школой и предусматривалось создание новых рыночных механизмов ее функционирования. В 1994-1995 гг. намечалась стабилизация новой системы, практическая отработка и оценка эффективности ее механизмов. В 1996-2000 гг. планировалось наращивание потенциала и качества системы, включение в мировую систему высшего образования и разделения труда с обеспечением конкурентоспособности подготавливаемых специалистов.

Разработчики Доклада, констатируя нарастание проблем высшей школы (прежде всего, бюджетное финансирование высших учебных заведений составляло только 40-60% от минимальной потребности; практически отсутствовала финансовая поддержка вузов на уровне республик в составе Российской Федерации, краев и областей; поступления средств от коммерческой образовательной, научно-исследовательской, производственной деятельности не превышали 5-7% общего объема используемых финансовых ресурсов), предлагали «гибкую корректировку высшего образования с учетом особенностей, реальной социально-экономической ситуации»[3]. Главным образом, речь шла о выделении группы вузов приоритетной государственной поддержки, разработке и реализации системы распределения финансовых и других ресурсов, учитывающей потенциал и значимость вузов; об осуществлении реформы структуры высшего образования с введением различных по срокам и уровням подготовки образовательных программ; об оказании поддержки сети негосударственных высших учебных заведений, использовании внебюджетного финансирования высшей школы за счет контрактного обучения иностранных граждан и преподавательской деятельности за рубежом; о развитии производственной инфраструктуры системы высшей школы с целью решения задач частичного самообеспечения; о реализации мер, направленных на стимулирование самофинансирования высшей школы и др.[4]

Одновременно с организационной предполагалась и структурная перестройка высшей школы, обеспечивающая выпуск специалистов в соответствии с «реальными и перспективными потребностями личности и общества»[5]. Значимым для разработчиков представлялось резкое сокращение выпуска инженеров и увеличение мест для подготовки экономистов, юристов, управленцев.

В это же время руководством Миннауки был подготовлен еще один Доклад Президенту РФ, в котором обосновывалась необходимость радикальных реформ в сфере инженерной подготовки. Главным аргументом являлись ссылки на нарастающей отставание в сравнении с США, причиной чему являлась порочность советской системы обучения: количественные показатели роста объемов подготовки специалистов превалировали над показателями качества обучения; производственный аппарат экономики был ориентирован на привлечение низкоквалифицированного труда. Одновременно признавался как весьма высокое качество подготовки по специальностям военно-промышленной ориентации. Поэтому, по мнению авторов, следовало осуществить «демилитаризацию вузов и вузовской в рамках Государственной программы конверсии»[6]. В Докладе предлагалась также следующая причинно-следственная связь: низкий профессионализм преподавателей обуславливает «выпуск слабых выпускников, производящих отсталую технологию, которая вновь отбрасывает нас назад»[6]. Подобным образом авторы доклада обосновывали вывод о чрезмерности выпуска инженеров в нашей стране. Приводились и другие аргументы:

доля инженеров в общем числе занятого населения в США составляла 1,3%, во Франции - 1,7%, Японии - 1,9%, а в России - 4,6%. На 10 специалистов инженерного профиля, занятых в экономике Российской Федерации, приходилось 14 специалистов нетехнического профиля, а в США - 114, в Германии - 39, во Франции - 32 специалиста. При этом на долю одного инженера у нас приходилось произведенного национального дохода в 10 раз меньше, чем в расчете на американского. Причем, там, где насыщенность специалистами была выше, чем в США, там дела обстояли плохо (сельское хозяйство, капитальное строительство). Поэтому, полагали авторы, следовало увеличить выпуск экономистов: из более чем 5,5 млн. экономистов в СССР имели высшее образование только 1,4 млн. человек[7]. Снижение доли приема на инженерно-технические специальности, наблюдающееся в последние годы перестройки, разработчики оценивали как позитивное явление, которое бы следовало закрепить.

Называлась и другие причины отставания СССР: неравномерное территориальное распределение потенциала высшей школы, недостойное состояние материально-технической базы вузов[8]. В числе важнейших просчетов государственной научно-технической политики СССР называлось разделение науки на академическую, отраслевую и вузовскую. Применительно к вузам это привело, по мнению авторов, во-первых, к значительному недоиспользованию потенциала научных и научно-педагогических кадров и, во-вторых, к разрыву органических связей научного и учебного процессов и к снижению качественного уровня преподавательского состава и подготовки специалистов, выключенных из сферы научного процесса. Эффективность вузовской науки оставалась низкой[9]. Но главной опасностью современной России авторы называли неустребованность знаний. Проявлялось это, с их точки зрения, в снижении престижности интеллектуального труда в России. Уровень подготовки в средней школе в докладе также характеризовался как низкий. В целом подобные заключения, на наш взгляд, нуждаются в перепроверке и специальном исследовании. Автор, проработав многие годы, включая т.н. «переходный период», в московских вузах, не может согласиться ни с подобными оценками уровня культуры и квалификации преподавателей, ни с констатацией низкого уровня инженерной подготовки. Выпускники советской высшей технической школы оказались весьма востребованными на Западе.

В целом Доклад Миннауки, изобилующий негативными оценками состояния советской высшей школы, подчас, весьма точными заключениями о текущем финансовом положении, не содержал ни конкретных механизмов преодоления негативных тенденций, ни рецептов, кроме известных «открытости миру и обретения общечеловеческих ценностей». Воспоминания же о достигнутых в ходе реформ результатах позволяют, на наш взгляд, говорить как о чуде спасения высшей школы и науки, несмотря на эти «преобразования». Главное, что предполагалось, - планировать подготовку кадров, ориентированных на эксплуатацию производственного аппарата невысокого технического уровня»[10]. Таким образом, перспектива деиндустриализации и демодернизации для России разработчиками реформ была обозначена достаточно четко. Признавалось, что требуется ряд мер «чрезвычайного характера» по защите высшей школы от деградации и распада в условиях политической нестабильности, экономического кризиса. Меры эти должны были быть направлены, прежде всего, на самобеспечение функционирования вузов и выделение небольшой их группы, требующей государственной поддержки. В результате финансирование системы образования в 90-е гг. было в 2-2,5 раза меньше, чем предусматривалось законодательством, осуществлялось по остаточному принципу[11]. Расходы на заработную плату работникам образования оказались ниже прожиточного минимума.

Отмечая выявленные в ходе исследования некоторые позитивные итоги реформирования высшего образования России в этот период – преобразование ведущих профильных вузов в университеты, начало интеграции российской системы

инженерного образования в мировое образовательное пространство, – нельзя не видеть, что высшая техническая школа страны в 1990-е гг. развивалась в условиях системного кризиса, недофинансирования, отсутствия научно-обоснованной программы, государственной поддержки. Государственная политика и в этой сфере отличалась непоследовательностью и хронической нереализованностью намеченного. Проведенное исследование и иные, опубликованные нами данные [12,13], позволяют констатировать игнорирование со стороны органов исполнительной власти требований и предложений вузовской общественности, пренебрежение к сложившимся в отечественной высшей школе традициям. Единственной значимой, на наш взгляд, победой научно-педагогической общественности явилась остановка процесса приватизации учреждений научной и образовательной сферы. Озкое сокращение финансирования научно-технической сферы и инженерного образования было связано не только с кризисными процессами в экономике. Оно обосновывалось теоретически.

1. Государственный архив Российской Федерации Ф. 10265. Оп.1. Д. 55. Л.263-264.
2. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1 Д.55. Л. 143.
3. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1 Д.55. Л.143
4. ГАРФ Ф. 10265. Оп.1. Д. 57. Л.46-55.
5. ГАРФ Ф. 10265. Оп.1. Д. 57. Л. 219.
6. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.191.
7. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л. 192.
8. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.193.
9. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л. 204.
10. ГАРФ Ф. 10265. Оп. 1. Д. 57. Л.207.
11. Архив Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Ф. 10100. Оп. 15 п-III. Д. 39. Л. 152.
12. Bodrova E. V., Kalinov V.V. Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the "Transition Period": Plans and Reality in 1990s// Journal of History Culture and Art Research 6(5) (Special Issue on Russian Studies) Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi ANA SAYFA > Cilt 6, Sayı 5 (2017) P.192-199// [Электронный ресурс] URL: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/issue/view/31> (дата обращения 03.01.2018)
13. Бодрова Е.В., Голованов Н.Б. Модернизация высшей технической школы: исторический опыт и современность// Российский технологический журнал. М. Московский технологический университет. 2017 Т. 5.№.6. С.73-97.

Гурин В.В.

**Сюжетный уличный краеведческий квест: опыт разработки
и проведения в г. Томске**

*Томский государственный педагогический университет
(Россия, Томск)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-10

idsp: 000001:spc-10-01-2018-10

Аннотация

Автор статьи делится опытом создания и проведения уличных квестов в г. Томске. В статье излагаются проблемы такого рода деятельности и возможные пути их решения, а так же соображения на счет перспектив коммерческого запуска уличных квестов.

Ключевые слова: уличные квесты, экскурсии, Живой город, игра.

Annotation

The author shares the experience of creating and conducting street quests in Tomsk. The article outlines the problems of this kind of activity and possible solutions to them, as well as considerations on the prospects of commercial launch of street quests.

Key words: street quests, excursions, game, Living city.

Среди форм организации свободного времени горожан в последнее время все большую популярность приобретают уличные (или живые) квесты. Такие квесты можно отнести к синтезированным формам досуга, позволяющим решать сразу несколько задач: познавательных, коммуникационных, развлекательных, а также заставляющих участников ориентироваться на здоровый образ жизни – двигаться, бегать, гулять по родному городу. Если в городах-миллионниках обычно уже созданы крупные центры по организации уличных квестов, то в небольших городах России это движение только разворачивается. В связи с этим становится актуальной специфика организации таких досуговых форм в небольших городах, в частности в г. Томске.

Цель данной статьи: поделиться практическим опытом по созданию и организации уличных квестов на базе мастерской квестов «Живой город», работающей в г. Томске. Под «уличным квестом» мы понимаем игру, в которой участники с целью найти ответ на главный вопрос игрового сюжета (выполнить цель игры) перемещаются по городским локациям и проходят оставленные организаторами задания и головоломки. Несмотря на популярность квестов в комнатах (или «реалити-квестов»), наш выбор в пользу уличного формата был не случайным. Во-первых, проведение уличных квестов само по себе не требует больших затрат и ресурсов, во-вторых, они проходят на свежем воздухе, дают простор и живую наглядность. Последнее обстоятельство позволит им заменять привычные форматы экскурсий по городу, при условии построения квеста на экскурсионном материале [1], о чем будет намечено ниже.

Приступая к работе над квестами, мы уже имели дело с созданием игровых моделей. Речь идет о частой работе в детских лагерях, сопряженной с разработкой и проведением различных игр, анализа результатов. Это упрощало задачу и летом 2017 г. мы взялись за создание уличных квестов в г. Томске. Его более чем 400-летняя история богата событиями и интересными людьми, поэтому квесты решено было моделировать с экскурсионным уклоном. Такие «дидактические квесты» по нашей задумке должны были, с одной стороны, быть полезны с экскурсионной точки зрения, донося людям информацию об истории Томска, с другой – являться для людей «интеллектуальным развлечением». Кроме того, уличные квесты являются необычным форматом социальных развлечений, способных в век компьютеров и социальных сетей возрождать интерес детей и взрослых к живому игровому взаимодействию [2].

Основной сложностью, с которой мы столкнулись на первых этапах создания квеста, являлось написание интересного сюжета, чаще всего детективного. Редко его можно позаимствовать из истории в готовом виде, поэтому обычно он строится на переплетении реальных лиц или событий с вымышленными. Следом создается система головоломок, решая которые участники будут перемещаться по карте и собирать части сюжетной мозаики в единый пазл. Чем органичнее головоломки будут вписываться в сюжет, тем более интересным будет прохождение квеста.

Одним из самых существенных минусов уличных или городских квестов является их зависимость от погоды и времени года. Поэтому, проработав несколько месяцев, мы вынуждены были с холодами уйти на сезонные каникулы. За это время мы успели выпустить 4 квеста: «Золотая лихорадка», «Знак семерых», «Человек со шрамом», «Команда «Земля»», последний из которых создан специально для детей.

Пилотного запуска проекта было достаточно, чтобы понять основные проблемы и перспективы такого рода деятельности. Разберемся в них по порядку. При проведении уличного квеста существует вероятность пропажи какой-либо скрытой информации из-за любопытства случайных прохожих (как правило, детей) или проходящего рядом другого квеста, участники которого могут найти и принять ваш тайник за свой. Во время игр мы попадали в обе неприятные ситуации, и пришли к необходимости создания запасных материалов, которые при необходимости

игротехник раздаст участникам взамен пропавших. Внутренняя организация квеста должна учитывать разные типы игроков. Некоторых больше привлекает не командная работа и вдумчивое изучение сюжета игры, а индивидуальное прохождение самих головоломок. Иногда такие игроки могут забегать вперед, досрочно проходя все головоломки (игнорируя сюжет игры) и лишая удовольствия от поиска остальных. Поэтому желательно подобрать головоломки так, чтобы они исключали свое прохождение в отрыве от сюжета игры или же закрепляли необходимость коллективного решения. Еще одна проблема, с которой сталкиваешься при организации квеста: игроки могут случайно, преждевременно найти информацию, которая предназначалась для них позже. Такая находка грозит путаницей или досрочным окончанием квеста, поэтому ее вероятность нужно исключить или обезвредить последствия, сделав случайную находку до поры бесполезной.

Подбор игровых локаций также является значимой частью подготовки квеста. У игроков должно быть четкое понимание границ игрового мира (дабы избежать их ухода в другие места), при этом игра для них должна быть психологически комфортной. Помочь в этом может карта или иное указание на игровые границы. Важную роль играет не только выгодное расположение игровой локации (наличие в пределах игровой зоны подходящих мест для оборудования тайников), но и протяженность. Слишком большая, она ведет к чрезмерному уставанию игроков от перемещения и потере игрового интереса, слишком маленькая – к игровой ограниченности и возрастанию риска преждевременных находок, о котором было замечено выше. Если при выборе места игры, достаточно предварительной разведки с осмотром потенциальных локаций, то при выборе протяженности игрового пространства «на глаз» можно не угадать. Установить его правильно можно только опытным путем, проверив квест в тестовом режиме на одной-двух командах. Отдельно стоит оговориться о безопасности участников квеста, для чего нужно с умом выбирать игровое пространство. Например, если квест проходят несовершеннолетние, стоит напомнить о правилах безопасности дорожного движения (при наличии такого на карте игры) и проч. [3].

Все вышеописанное мы устанавливали опытным путем, участвую на своих ошибках. Надеемся, что начинающие организаторы квестов, после прочтения данного материала, смогут избежать их повторения.

Для коммерческого запуска проекта недостаточно просто делать хорошие квесты, нужно уметь продвигать продукт: выявлять и изучать целевую аудиторию, грамотно вкладывать деньги в рекламу, продвигать бренд. Об этом при желании можно найти массу информации, мы же хотим поделиться мнением о перспективах коммерческого проведения уличных квестов. Как правило, в нестоличных городах они не слишком распространены. В Томске нам удалось найти всего одного человека, который специализируется на такого рода деятельности. В остальных случаях проведение на улицах Томска квестов носит эпизодический характер. Речь идет о проведении простых квестов на городских праздниках или, например, квестов, организуемых местными радиостанциями. Но нахождение свободной ниши не всегда означает ее прибыльность: возможно уличные квесты просто не так востребованы, как того бы хотелось. Проработав в пилотном режиме несколько месяцев, мы не возьмемся что-то утверждать на этот счет. Добавим лишь, что заметили спрос на квесты разного рода: как те, что проводятся только в определенных местах города (ими мы и занимались), так и выездные квесты за наказ. В случае последних, речь идет о сопровождении праздников: свадеб, дней рождений и др.

В планах на будущее мы видим расширение ассортимента квестов, а также слияние различных квестовых форм в рамках одной игры: уличных квестов, квест-комнат, книжных квестов и др. У каждого из них есть свои минусы, которые могут

быть только уравновешены плюсами других форматов [4]. Кроме того, слияние квестовых форм в рамках одной игры делает ее, безусловно, богаче и увлекательнее.

1. Мальшакова Е.С. Квест-маршрут как пример инновации в образовательном туризме // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Пермь, 2017. Т. 1. С. 439-445.
2. Максимова Д.И. Проблема уличного игрового пространства // Научный поиск в современном мире: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2016. С. 179-180.
3. Миновская О.В. Городское приключение в воспитании учащейся молодежи: учебно-методическое пособие. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. 128 с.
4. Гурин В.В. Экскурсионный потенциал игровых квестов для школьников // Инновации в науке и практике. Сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции (10 ноября 2017 г., г. Прага). В 4 ч. Ч.4 / – Уфа: Изд. Дендра, 2017. С. 156-162.

Доржиева В.В.

**Административно-правовое положение территорий Российского Северо-Востока
(XVII в. - начало XVIII в.)**

*Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан)*

doi:10.18411/spc-10-01-2018-11

ids: 000001:spc-10-01-2018-11

Территориально понятие «Северо-Восток» охватывает тундровые и лесотундровые пространства Чукотского полуострова, лесную зону Приколымья, северное побережье Охотского моря и восточные районы Якутии. Общая площадь - около 2 млн. кв. км. В физической географии территория определяется как Яно-Чукотская горная страна, занимающая пространство между реками Леной и Анадырем. Крупнейшие горные системы - цепи Черского, Момский хребет, Лено-Чаунская горная дуга, Чукотское нагорье, горы Чукотского полуострова, средневысотные игоры правого берега реки Колымы.

В современном административно-государственном делении Северо-Восток интегрирует Магаданскую область, Камчатский край, Чукотский автономный округ, северо-восточные районы Республики Якутия (Саха). Магаданская область граничит со всеми указанными субъектами, на юге и юго-востоке омывается водами Охотского моря. Большая часть территории области занята тундрой и лесотундрой. Климат на большей части территории резко континентальный. Вся территория области, исключая побережье, находится в зоне многолетней мерзлоты. Площадь Магаданской области вместе с островами составляет 462,5 тыс. кв. км. Главная водная артерия – река Колыма.

Административно-территориальное деление российского Северо-Востока подвергалось многократным изменениям. Российское государство постепенно продвигало свои границы на восток. Особым в этом процессе стал XVII век. В силу комплекса внешних факторов и социально-экономических причин, сложившихся в России к XVII веку, вокруг страны сформировалось кольцо недружественных государств - Речи Посполитой, Швеции, Турции. Россия оказалась в экономической изоляции, отрезанной от торговых путей и источников торговли. Сама Россия с XVII века вступает в процесс формирования централизованного государства, что сопровождается усилением обмена между областями, ростом товарного обращения,

складыванием всероссийского рынка. Закорномерным следствием развития русского централизованного государства явилась активизация поиска новых сырьевых баз и рынков сбыта. Таковыми могли стать обширные неизведенные территории Сибири и Дальнего Востока. Через Уральский хребет, образующий условную границу между Европой и Азией, на восток отправляются отряды казаков и промышленников, примкнувшим к ним «гулящих людей» - пассионарных пионеров фронта. Цель отрядов - «прииск новых неясных земель», а также поиск серебряных месторождений для нужд государственной казны. Особый экономической интерес представляла пушнина, являвшаяся ценным товаром, экспортируемым Россией. Приведенные под государеву руку сибирские народы платили ясак «мягкой рухлядью» и ее ежегодные поступления составляли значительную часть государственного бюджета. Для продвижения вперед и фиксирования присутствия, необходимы были опорные административно-военные точки, какими стали остроги.

В 1628 году была проведена разведка верховьев Лены отрядом под командованием Василия Бугра. В 1630 году в верховьях Лены закладывается первое русское укрепление - Ленский волок. В 1632 году сотником Петром Бекетовым в среднем течении реки на правом берегу Лены был заложен Ленский острог, впоследствии переименованный в Якутск. В Москве было принято решение создать самостоятельную административную единицу - Якутский уезд. Формирование приказно-воеводской системы государственного управления на Руси проходило вместе с процессами усиления власти великого князя и централизацией. Высшим органом власти была постоянно действующая Боярская Дума - аристократический совещательный орган, в который входили светские и духовные феодалы. Отраслевыми органами управления были приказы, совмещавшие административные и судебные функции. Позже возникли территориальные приказы, управлявшие отдельными регионами. Местное управление основывалось на системе кормлений. В период с 1599 по 1637 гг. сибирские земли находились под юрисдикцией Приказа Казанского Дворца (Казанского приказа), который осуществлял административно-судебное и финансовое управление землями восточных окраин государства. В 1637 году был выделен Сибирский приказ, в подчинение которого была передана территория всей Сибири - это свидетельствовало о понимании на правительственном уровне особенностей территории. Административно-территориальное и местное управление в Сибири в целом соответствовало общероссийской модели. Разряды делились на уезды, уезды подразделялись на низовые территориально-административные объединения – волости. Отличительной чертой сибирского управления было выделение особых единиц ясачных волостей, состоявших из улусов, наслегов, стойбищ. Администрации ясачных волостей имели большую автономию от центра, русская администрация не вмешивалась во внутреннее управление, отношения строились на основе обычного права. Сибирский приказ выполнял административные, судебные, финансовые, военные функции, ведал торговыми, ямскими, горно-рудными вопросами, частично посольскими сношениями с сопредельными с Сибирью странами, руководил сбором ясака. Приказу были подотчетны местные администрации. В конце XVII в. приказ состоял из Тобольского, Томского, Ленского и Мангазейского столов. Помимо столов в приказ были включены палаты (Расценочная, Купецкая, Казенная), ведавшие хранением и реализацией продуктов натуральных ясачных сборов. В состав Сибирского приказа помимо приказных служилых людей (судей приказа, дьяков,

подъячих, писцов) входили ежегодно избираемые из именитых московских купцов целовальники, несшие материальную ответственность за сохранность пушной казны. Их деятельность не оплачивалась, считалась казенной службой. Для обработки меха в штат Сибирского приказа включались скорняки.

В 1638 году было основано Якутское воеводство (уезд), ставшее плацдармом для продвижения на Северо-Восток. Якутский уезд подчинялся Сибирскому приказу. Столица уезда - Якутский острог. Значительную роль в процессе колонизации Сибири сыграл этот опорный пункт. Ленский острог- Якутск стал важным русским укрепленным пунктом на Лене, благодаря чему казаки присоединили в дальнейшем весь северо-восток Сибири. До 1638 года Ленский острог подчинялся енисейской воеводской канцелярии и начальствовали в нём служилые чины, присланные из Енисейска. В 1638 году Якутск становится административным центром Восточно-Сибирского воеводства. Воеводами были назначены Петр Головин и Матвей Глебов. Правительством перед ними были поставлены задачи расширения территории Московского государства на север и юго-восток Сибири, изыскание источников снабжения русского населения Сибири хлебом и поиск металлических руд. Якутское воеводство в период своего максимального территориального расширения охватывало бассейн реки Лены, включало побережье Охотского моря, Чукотский полуостров, Камчатку и, в определенный период, Забайкалье. Главой воеводства назначался воевода, который осуществлял обширные властные полномочия через приказчиков и якутских казаков, которые размещались в острогах и выполняли административные, исследовательские, завоевательные или карательные функции. Объем полномочий воеводы закреплялся в особых документах- наказах. Основные функции воеводы - сбор ясака и таможенных пошлин, управление служилыми людьми, коренным населением, судебные полномочия. Постепенно увеличивался административный штат воеводств. Для выполнения административных функций в подчинении у воеводы был дьяк (первый помощник, назначался из Москвы, руководил приказной избой), подъячие (назначались воеводой, работали в столах приказной избы). Местное население территорий вело традиционное хозяйство и было обязано платить ясак. Приведение коренного населения осваиваемых территорий «под государеву руку» далеко не всегда было мирным. Для гарантии оплаты ясака администрации приходилось брать аманатов (заложников), выдерживать осаду зимовий, вступать в прямые вооруженные столкновения с коренным населением.

По мере продвижения на восток, постепенно осваивались и Колымские территории. Михаил Стадухин поставил в 1645 г. в устье Колымы Нижне-Колымское ясачное зимовье. В 1646 году в Нижне-Колымский острожек прибыли промысловики «рыбьего зуба» (моржового клыка), сырья, успешно конкурировавшего со слоновой костью. В результате похода Семена Дежнева на Анадырь, в 1649 году был заложен Анадырский острог. Первый якутский воевода- Петр Петрович Головин (1639-1644 гг.) Основываются главные опорные остроги Якутского воеводства - Анадырский острог (1649), Верхоянск (1638), Вилюйск (1634), Жиганск (1632), Зашиверск (1639), Колымский острог (1634), Олекминск (1635), Охотск (1647), Нижне-Камчатский острог (1697).

На территории современной Магаданской области первым поселением русских стало Монтыклейское зимовье (третье по счету поселение русских на Охотском побережье). Зимовье было основано отрядом казаков под командованием А.Ф.

Глубокого в месте впадения реки Монтыклейка в Монтыклейский залив в августе 1648 года. Просуществовало зимовье 3 года в условиях весьма враждебного отношения местных тунгусов, казаки «нужду, голод и бедность терпели». В июле 1651 года оставшиеся в живых казаки Монтыклейского зимовья вернулись в Охотский острог, собрав значительный ясак. В 1652 году Охотский острог был сожжен тунгусским отрядом. В октябре 1653 года к месту сожженного Охотского острога прибыл отряд казаков во главе с Андреем Булыгиным. Казаками был отстроен новый «ясачный острожек» с «государевым анбаром», «аманацкой казенкой», судной избой и жилищем для гарнизона. Назначение строений острожка соответствовало реализуемым административным и фискальным функциям – в судной избе служилые люди подавали челобитные на имя государя. В «аманацкой казенке» содержались заложники: «аманатов изымал и под государеву царскую высокую руку по их вере к шерте (клятве) их привели, чтобы они впредь государю были покорны в вечном холопстве». Из острожного «государева анбара» А. Булыгиным в 1653 году в Якутский острог было послано «государевой казны ясачного збору 6 сороков 24 соболи да лисицы чернобурую вешную, да лисицу сиводушную, да напольник соболей, а в нем пять пластин». Иерархическая система уездного управления на территории Северо-Востока во второй половине XVII- начале XVIII веков выглядела следующим образом: Сибирский приказ →приказная изба→стола (денежный, ясачный, разрядный, хлебный)→казачьи гарнизоны (остроги, зимовья).

Огромные просторы государства, дисперсность проживания населения на северных территориях требовали постоянного поиска наиболее эффективной модели администрирования. (Отметим, что актуальность данного вопроса высока и сегодня, и исторический опыт может быть полезен при решении и современных задач административно-территориального устройства). К началу XVIII в. действовавшая в государстве система административного деления устарела. Отношения центр-провинция были запутанными, управление уездами, имевшими крайне неравномерные площади, было громоздким. Кроме этого, для успешного ведения Северной войны, стране требовалась новая система финансового и материального обеспечения армии и флота. Указом Петра I от 18 (29) декабря 1708 г. в государстве началась областная (губернская) реформа. Территория государства разбивалась на восемь губерний, возглавляемых губернаторами. На губернаторов были возложены административные, полицейские, финансовые, судебные функции, командование войсками в подведомственных губерниях. Первоначально (1710) губернии подразделялись на доли, с 1719 г.- на провинции, позднее - на дистрикты. Северо-восточные территории вошли в состав Сибирской губернии, столицей которой стал город Тобольск. По указу императора Сибирская губерния включала три провинции: Вятскую, Соликамскую и Тобольскую. В ноябре 1724 г. из состава Тобольской провинции были выделены Енисейская и Иркутская провинции. Якутский уезд вошел в состав Иркутской провинции. Иркутская провинция охватывала территории верховьев реки Лены, бассейн Колымы, Охотоморское побережье, Анадырский край, полуостров Камчатку. Сибирский приказ был преобразован в Московскую канцелярию Сибирской губернии и с 1710 г. фактически перестал существовать как центральное государственное учреждение. Его прежние функции выполнялись губернской канцелярией в г. Тобольске, возглавляемой сибирским губернатором. Дальнейшее административное развитие территорий Северо-Востока свидетельствует о поиске оптимальных форм

соотношения центральной власти и местной администрации. Однако громадные просторы Сибири и Дальнего Востока не позволяли системе управления работать эффективно.

1. Север Дальнего Востока. - М.: Наука,1970.- С. 21,55; Дальний Восток. Физико-географическая характеристика.- М.: Изд-во АН СССР,1961.- С.91.
2. История отечественного государства и права: учебник / отв. ред. И. А. Исаев. — Москва: Проспект, 2012. — с. 62-63.
3. Административно-территориальное устройство Сибири и Дальнего Востока// «Историческая энциклопедия Сибири» 2009- Электронный ресурс http://irkipedia.ru/content/administrativno_territorialnoe_ustroystvo_sibiri_i_dalnego_vostoka_istoricheskaya Дата обращения 02.07.2017.
4. Сибирский приказ// «Историческая энциклопедия Сибири» 2009- Электронный ресурс http://irkipedia.ru/content/sibirskiy_prikaz_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 . Дата обращения 01.07.2017.
5. Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока XVII – начало XX века.- Хабаровск: Хабаровское книжное издательство. 1958. – с. 24.
6. Лебединцев А.И. Начало освоения русскими землепроходцами северного побережья Охотского моря// История, археология и этнография Северо-Востока России. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999.- С. 5-12.
7. Отписка Андрея Булыгина о походе на побережье Охотского моря//Записки древнерусских путешественников XVI-XVII вв./Сост., подгот. текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной.- М.: Сов. Россия, 1988.- С. 412-413.

Научное издание

**Научный диалог:
Вопросы философии, социологии, истории, политологии**

Сборник научных трудов, по материалам
XII международной научно-практической конференции
10 января 2017 г.

SPLN 001-000001-0236-FF

Подписано в печать 19.01.2018. Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.2,53
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович